

Содержание

Чужое небо

Колчан

Путь конквистадоров

Костер

Романтические цветы

Жемчуга

Чужое небо

I.

117. АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

Он мне шепчет: "Своевольный,

Что ты так уныл?

Иль о жизни прежней, вольной,

Тайно загрустил?

"Полно! Разве всплески, речи

Сумрачных морей

Стоят самой краткой встречи

С госпожой твоей?

"Так ли с сердца бремя снимет

Голубой простор,

Как она, когда поднимет

На тебя свой взор?

"Ты волен предаться гневу,

Коль она молчит,

Но покинуть королеву

Для вассала — стыд".

Так и ночью молчаливой,

Днем и поутру

Он стоит, красноречивый,

За свою сестру.

118. ДВЕ РОЗЫ

Перед воротами Эдема

Две розы пышно расцвели,

Но роза — страстности эмблема, А страстность — детище земли.

Одна так нежно розовеет,
Как дева, милым смущена,
Другая, пурпурная, рдеет,
Огнем любви обожжена.
А обе на Пороге Знания...
Ужель Всевышний так судил
И тайну страстного сгоранья
К небесным тайнам приобщил?!

119. ДЕВУШКЕ

Мне не нравится томность
Ваших скрещенных рук,
И спокойная скромность,
И стыдливый испуг.
Героиня романов Тургенева,
Вы надменны, нежны и чисты,
В вас так много безбурно-осеннего
От аллеи, где кружат листья.
Никогда ничему не поверите,
Прежде чем не сочтете, не смерите, Никогда никуда не пойдете,
Коль на карте путей не найдете.
И вам чужд тот безумный охотник, Что, взойдя на нагую скалу,
В пьяном счастье, в тоске безотчетной
Прямо в солнце пускает стрелу.

120. НА МОРЕ

Закат. Как змеи, волны гнутся, Уже без гневных гребешков,
Но не бегут они коснуться
Непобедимых берегов.
И только издали добредший
Бурун, поверивший во мглу,
Внесется, буйный сумасшедший,
На глянцевитую скалу
И лопнет с гиканьем и ревом,
Подбросив к небу пенный клочок...
Но весел в море бирюзовом
С латинским парусом челнок;

И загорелый кормчий ловок,
Дыша волной растущей мглы
И, от натянутых веревок,
Бодрящим запахом смолы.

121. СОМНЕНИЕ

Вот я один в вечерний тихий час, Я буду думать лишь о вас, о вас, Возьмусь за книгу, но прочту: "она", И вновь душа пьяна и смятена.
Я брошусь на скрипучую кровать, Подушка жжет... нет, мне не спать, а ждать.
И крадучись я подойду к окну,
На дымный луг взгляну и на луну, Вон там, у клумб, вы мне сказали "да", О это "да" со мною навсегда.
И вдруг сознание бросит мне в ответ, Что вас, покорной, не было и нет, Что ваше "да", ваш трепет, у сосны
Ваш поцелуй — лишь бред весны и сны.

122. СОН

Утренняя болтовня
Вы сегодня так красивы,
Что вы видели во сне?
— Берег, ивы
При луне. —
А еще? К ночному склону
Не приходят, не любя.
— Дездемону
И себя. —
Вы смотрите так несмело:
Кто там был за купой ив?
— Был Отелло,
Он красив. —
Был ли он вас двух достоин?
Был ли он как лунный свет?
— Да, он воин
И поэт.
О какой же пел он ниже
Неоткрытой красоте?
— О пустыне
И мечте.
И вы слушали влюбленно,
Нежной грусти не тая?

— Дездемона,

Но не я. —

123. ОТРЫВОК

Христос сказал: убогие блаженны, Завиден рок слепцов, калек и нищих, Я их возьму в надзвездные селенья, Я сделаю их рыцарями неба

И назову славнейшими из славных...

Пусть! Я приму! Но как же те, другие, Чьей мыслью мы теперь живем и дышим, Чьи имена звучат нам, как призывы?

Искупят чем они свое величье,

Как им заплатит воля равновесья?

Иль Беатриче стала проституткой, Глухонемым — великий Вольфганг Гете

И Байрон — площадным шутом... о ужас!

124. ТОТ ДРУГОЙ

Я жду, исполненный укоров:

Но не веселую жену

Для задушевных разговоров

О том, что было в старину.

И не любовницу: мне скучен

Прерывный шепот, томный взгляд, —И к упоеньям я приучен,

И к мукам горше во стократ.

Я жду товарища, от Бога

В веках дарованного мне

За то, что я томился много

По вышине и тишине.

И как преступен он, суровый,

Коль вечность променял на час, Принявши дерзко за оковы

Мечты, связующие нас.

125. ВЕЧНОЕ

Я в коридоре дней сомкнутых,

Где даже небо тяжкий гнет,

Смотрю в века, живу в минутах, Но жду Субботы из Суббот;

Конца тревогам и удачам,

Слепым блужданиям души...

О день, когда я буду зрячим

И странно знающим, спеши!

Я душу обрету иную,

Все, что дразнило, уловя.

Благословлю я золотую

Дорогу к солнцу от червя.

И тот, кто шел со мною рядом

В громах и кроткой тишине, —

Кто был жесток к моим уладам

И ясно милостив к вине;

Учил молчать, учил бороться,

Всею древней мудрости земли, — Положит посох, обернется

И скажет просто: “мы пришли”.

126. КОНСТАНТИНОПОЛЬ

Еще близ порта орали хором

Матросы, требуя вина,

А над Стамбулом и над Босфором

Сверкнула полная луна.

Сегодня ночью на дно залива

Швырнут неверную жену,

Жену, что слишком была красива

И походила на луну.

Она любила свои мечтанья,

Беседку в чаще камыша,

Старух гадальщиц, и их гаданья, И все, что не любил паша.

Отец печален, но понимает

И шепчет мужу: “что ж, пора?”

Но глаз упрямых не поднимает,

Мечтает младшая сестра:

— Так много, много в глухих заливах

Лежит любовников других,

Сплетенных, томных и молчаливых...

Какое счастье быть среди них!

127. СОВРЕМЕННОСТЬ

Я закрыл Илиаду и сел у окна,

На губах трепетало последнее слово, Что-то ярко светило — фонарь иль луна, И медлительно двигалась тень часового.

Я так часто бросал испытующий взор

И так много встречал отвечающих взоров, Одиссеев во мгле пароходных контор, Агамемнонов между трактирных маркеров.

Так, в далекой Сибири, где плачет пурга, Застывают в серебряных льдах мастодонты, Их глухая тоска там колышет снега, Красной кровью — ведь их — зажжены горизонты.

Я печален от книги, томлюсь от луны, Может быть, мне совсем и не надо героя, Вот идут по аллее, так странно нежны, Гимназист с гимназисткой, как Дафнис и Хлоя.

128. СОНЕТ

Я верно болен: на сердце туман, Мне скучно все, и люди, и рассказы, Мне снятся королевские алмазы

И весь в крови широкий ятаган.

Мне чудится (и это не обман),

Мой предок был татарин косоглазый, Свирепый гунн... я веяньем заразы, Через века дошедшей, обуян.

Молчу, томлюсь., и отступают стены —Вот океан весь в ключьях белой пены, Закатным солнцем залитый гранит, И город с голубыми куполами,

С цветущими жасминными садами, Мы дрались там... Ах, да! я был убит.

129. ОДНАЖДЫ ВЕЧЕРОМ

В узких вазах томленье умирающих лилий.

Запад был меднокрасный. Вечер был голубой.

О Леконте де Лиле мы с тобой говорили, О холодном поэте мы грустили с тобой.

Мы не раз открывали шелковистые томы

И читали спокойно и шептали: не тот!

Но тогда нам сверкнули все слова, все истомы, Как кочевницы звезды, что восходят раз в год.

Так певучи и странны, в наших душах воскресли

Рифмы древнего солнца, мир нежданно-большой, И сквозь сумрак вечерний запрокинутый в кресле

Резкий профиль креола с лебединой душой.

130. ОНА

Я знаю женщину: молчанье,

Усталость горькая от слов,

Живет в таинственном мерцаньи

Ее расширенных зрачков.

Ее душа открыта жадно

Лишь медной музыке стиха,

Пред жизнью дольней и отрадней

Высокомерна и глуха.

Неслышный и неторопливый,

Так странно плавен шаг ее,

Назвать нельзя ее красивой,

Но в ней все счастье мое.

Когда я жажду своеволий

И смел и горд — я к ней иду

Учиться мудрой сладкой боли

В ее истоме и бреду.

Она светла в часы томлений

И держит молнии в руке,

И четки сны ее, как тени

На райском огненном песке.

131. ЖИЗНЬ

С тусклым взором, с мертвым сердцем в море броситься со скалы, В час, когда, как знамя, в небе дымно-розовая заря, Иль в темнице стать свободным, как свободны одни орлы, Иль найти покой неожиданный в дымной хижине дикаря!

Да, я понял. Символ жизни — не поэт, что творит слова, И не воин с твердым сердцем, не работник, ведущий плуг, — С иронической усмешкой царь-ребенок на шкуре льва, Забывающий игрушки между белых усталых рук.

132. ИЗ ЛОГОВА ЗМИЕВА

Из логова змиева,

Из города Киева,

Я взял не жену, а колдунью.

А думал забавницу,

Гадал — своенравницу,

Веселую птицу-певунью.

Покликаешь — морщится,

Обнимешь — топорщится,

А выйдет луна — затомится,

И смотрит, и стонет,

Как будто хоронит

Кого-то, — и хочет топиться.

Твержу ей: крещеному,

С тобой по-мудреному

Возиться теперь мне не в пору; Снеси-ка истому ты

В Днепровские омуты,

На грешную Лысую гору.

Молчит — только ежится,

И все ей неможется,

Мне жалко ее, виноватую,

Как птицу подбитую,

Березу подрытую

Над счастьем, Богом заклятою.

II.

Посвящается Анне Ахматовой

133. Я ВЕРИЛ, Я ДУМАЛ ...

Сергею Маковскому

Я верил, я думал, и свет мне блеснул наконец; Создав, навсегда уступил меня року Создатель; Я продан! Я больше не Божий! Ушел продавец, И с явной насмешкой глядит на меня покупатель.

Летящей горою за мною несется Вчера, А Завтра меня впереди ожидает, как бездна, Иду... но когда-нибудь в Бездну сорвется Гора.

Я знаю, я знаю, дорога моя бесполезна.

И если я волей себе покоряю людей, И если слетает ко мне по ночам вдохновенье, И если я ведаю тайны — поэт, чародей, Властитель вселенной — тем будет страшнее паденье.

И вот мне приснилось, что сердце мое не болит, Оно — колокольчик фарфоровый в желтом Китае

На пагоде пестрой... висит и приветно звенит, В эмалевом небе дразня журавлиные таи.

А тихая девушка в платье из красных шелков, Где золотом вышиты осы, цветы и драконы, С поджатыми ножками смотрит без мыслей и снов, Внимательно слушая легкие, легкие звоны.

134. ОСЛЕПИТЕЛЬНОЕ

Я тело в кресло уроню,

Я свет руками заслоню

И буду плакать долго, долго,

Припоминая вечера,

Когда не мучило “вчера”

И не томили цепи долга;

И в море врезавшийся мыс,

И одинокий кипарис,

И благосклонного Гуссейна,

И медленный его рассказ,

В часы, когда не видит глаз

Ни кипариса, ни бассейна.

И снова властвует Багдад,

И снова странствует Синдбад,

Вступает с демонами в ссору,

И от египетской земли

Опять уходят корабли

В великолепную Бассору.

Купцам и прибыль и почет.

Но нет; не прибыль их влечет

В нагих степях, над бездной водной; О тайна тайн, о птица Рок,

Не твой ли дальний островок

Им был звездой путеводной?

Ты уводила моряков

В пещеры джинов и волков,

Хранящих древнюю обиду,

И на висячие мосты

Сквозь темно-красные кусты

На пир к Гаруну-аль-Рашиду.

И я когда-то был твоим,

Я плыл, покорный пилигрим,

За жизнью благостной и мирной, Чтоб повстречал меня Гуссейн

В садах, где розы и бассейн, —На берегу за старой Смирной.

Когда-же... Боже, как чисты

И как мучительны мечты!

Ну что же, раньте сердце, раньте, —Я тело в кресло уроню,

Я свет руками заслоню

И буду плакать о Леванте.

135. РОДОС

Памяти М. А. Кузьминой-Караваевой

На полях опаленных Родоса

Камни стен и в цвету тополя

Видит зоркое сердце матроса

В тихий вечер с кормы корабля.

Там был рыцарский орден: соборы, Цитадель, бастионы, мосты,

И на людях простые уборы,

Но на них золотые кресты.

Не стремиться ни к славе, ни к счастью, Все равны перед взором Отца,

И не дать покорить самовластью

Посвященные небу сердца!

Но в долинах старинных поместий, Посреди кипарисов и роз,

Говорить о Небесной Невесте,

Охраняющей нежный Родос!

Наше бремя — тяжелое бремя:

Труд зловещий дала нам судьба, Чтоб прославить на краткое время, Нет, не нас, только наши гроба.

Нам брести в смертоносных равнинах, Чтоб узнать, где родилась река, На тяжелых и гулких машинах

Грозовые пронзать облака;

В каждом взгляде тоска без просвета, В каждом вздохе томительный крик, —Высыхать в глубине кабинета

Перед пыльными грудами книг.

Мы идем сквозь туманные годы,

Смутно чувствуя веянье роз,

У веков, у пространств, у природы, Отвоевывать древний Родос.

Но, быть может, подумают внуки, Как орлята тоскуя в гнезде:

“Где теперь эти крепкие руки,

Эти Души горящие — где?”

136. ПАЛОМНИК

Ахмет-Оглы берет свою клюку

И покидает город многолюдный.

Вот он идет по рыхлому песку,

Его движенья медленны и трудны.

— Ахмет, Ахмет, тебе ли, старику, Пускаться в путь неведомый и чудный?

Твое добро враги возьмут сполна, Тебе изменит глупая жена. —”Я этой ночью слышал зов Аллаха, Аллах сказал мне: — Встань, Ахмет-Оглы, Забудь про все, иди, не зная страха, Иди, провозглашая мне хвалы;

Где рыжий вихрь вздымает горы праха, Где носятся хохлатые орлы,

Где лошадь ржет над трупом бедуина, Туда иди: там Мекка, там Медина” — Ахмет-Оглы, ты лжешь! Один пророк

Внимал Аллаху, бледный, вдохновенный, Послом от мира горя и тревог

Он улетал к обители нетленной, Но он был юн, прекрасен и высок, И конь его был конь благословенный, А ты... мы не слышали о после

Плешивом, на задерганном осле. —Не слушает, упрям старик суровый, Идет, кряхтит, и злость в его смехе, На нем халат изодранный, а новый, Лиловый, шитый золотом, в мешке; Подмышкой посох кованый, дубовый, Удобный даже старческой руке,

Чалма лежит как требуют шииты, И десять лир в сандалии защиты.

Вчера шакалы выли под горой,

И чья-то тень текла неуловимо, Сегодня усмехались меж собой

Три оборванца, проходивших мимо.

Но ни шайтан, ни вор, ни зверь лесной

Смиренного не тронут пилигрима, И в ночь его, должно быть от луны, Слетают удивительные сны.

И каждый вечер кажется, что вскоре

Окончится терновник и волчцы,

Как в золотом Багдаде, как в Бассоре

Поднимутся узорные дворцы,

И Красное пылающее море

Пред ним свои расстелет багрецы, Волшебство синих и зеленых мелей...

И так идет неделя за неделей.

Он очень стар, Ахмет, а путь суров, Пронзительны полночные туманы, Он скоро упадет без сил и слов, Закутавшись, дрожа, в халат свой рваный, В одном из тех восточных городов, Где вечерами шепчутся платаны, Пока чернобородый муэдзин

Поет стихи про гурию долин.

Он упадет, но дух его бессонный

Аллах недаром дивно открылил,

Его, как мальчик страстный и влюбленный, В свои объятья примет Азраил

И поведет тропую, разрешенной

Для демонов, пророков и светил.

Все, что свершить возможно человеку, Он совершил — и он увидит Мекку.

137. ЖЕСТОКОЙ

“Пленительная, злая, неужели

Для вас смешно святое слово: друг?

Вам хочется на вашем лунном теле

Следить касанья только женских рук, Прикосновенья губ стыдливо-страстных

И взгляды глаз нетребующих, да?

Ужели до сих пор в мечтах неясных

Вас детский смех не мучил никогда?

Любовь мужчины — пламень Прометея, И требует и, требуя, дарит,

Пред ней душа, волнуясь и слабея, Как красный куст горит и говорит.

Я вас люблю, забудьте сны!” — В молчаньи

Она, чуть дрогнув, веки подняла, И я услышал звонких лир бряцанье

И громовые клетоты орла.

Орел Сафо у белого утеса

Торжественно парил, и красота

Бестенных виноградников Лесбоса

Замкнула богохульные уста.

138. ЛЮБОВЬ

Надменный, как юноша, лирик

Вошел, не стучая, в мой дом

И просто заметил, что в мире

Я должен грустить лишь о нем.

С капризной ужимкой захопнул

Открытую книгу мою,

Туфлей лакированной топнул,

Едва проронив: не люблю.

Как смел он так пахнуть духами!

Так дерзко перстнями играть!

Как смел он засыпать цветами

Мой письменный стол и кровать!

Я из дому вышел со злостью,

Но он увязался за мной,

Стучит изумительной тростью
По звонким камням мостовой.
И стал я с тех пор сумасшедшим.
Не смею вернуться в свой дом
И все говорю о пришедшем
Бесстыдным его языком.

139. БАЛЛАДА

Влюбленные, чья грусть, как облака, И неясные задумчивые лэди,
Какой дорогой вас ведет тоска, К какой еще неслыханной победе
Над чарой вам назначенных наследий?
Где вашей вечной грусти и слезам
Целительный предложится бальзам?
Где сердце запылает, не сгорая?
В какой пустыне явится глазам, Блеснет сиянье розового рая?
Вот я нашел, и песнь моя легка, Как память о давно прошедшем бреде, Могучая взяла меня рука,
Уже слетел к дрожащей Андромеде
Персей в кольчуге из горящей меди.
Пускай вдали пылает лживый храм, Где я теням молился и словам,
Привет тебе, о родина святая!
Влюбленные, пытайте рок, и вам
Блеснет сиянье розового рая.
В моей стране спокойная река,
В полях и рощах много сладкой снеди, Там аист ловит змей у тростника, И в полдень, пьяны запахом камеди, Кувыркаются рыжие медведи.
И в юном мире юноша Адам,
Я улыбаюсь птицам и плодам,
И знаю я, что вечером, играя,
Пройдет Христос-младенец по водам, Блеснет сиянье розового рая.

Посылка

Тебе, подруга, эту песнь отдам, Я веровал всегда твоим стопам, Когда вела ты, нежа и карая,
Ты знала все, ты знала, что и нам
Блеснет сиянье розового рая.

140. УКРОТИТЕЛЬ ЗВЕРЕЙ

... Как мой китайский зонтик красен, Натерты мелом башмачки.

Анна Ахматова.

Снова заученно-смелой походкой

Я приближаюсь к заветным дверям, Звери меня дожидаются там,

Пестрые звери за крепкой решеткой.

Будут рычать и пугаться бича,

Будут сегодня еще вероломней

Или покорней ... не все ли равно мне, Если я молод и кровь горяча?

Только... я вижу все чаще и чаще

(Вижу и знаю, что это лишь бред) Странного зверя, которого нет, Он — золотой, шестикрылый, молчаливый.

Долго и зорко следит он за мной

И за движеньями всеми моими,

Он никогда не играет с другими

И никогда не придет за едой.

Если мне смерть суждена на арене, Смерть укротителя, знаю теперь, Этот, незримый для публики, зверь

Первым мои перекусит колени.

Фанни, завял вами данный цветок, Вы ж, как всегда, веселы на канату, Зверь мой, он дремлет у вашей кровати, Смотрит в глаза вам, как преданный дог.

141. ОТРАВЛЕННЫЙ

“Ты совсем, ты совсем снеговая, Как ты странно и страшно бледна!

Почему ты дрожишь, подавая

Мне стакан золотого вина?”

Отвернулась печальной и гибкой...

Что я знаю, то знаю давно,

Но я выпью и выпью с улыбкой

Все налитое ею вино.

А потом, когда свечи потушат,

И кошмары придут на постель,

Те кошмары, что медленно душат, Я смертельный почувствую хмель...

И приду к ней, скажу: “дорогая, Видел я удивительный сон,

Ах, мне снилась равнина без края

И совсем золотой небосклон.

“Знай, я больше не буду жестоким, Будь счастливой, с кем хочешь, хоть с ним, Я уеду, далеким, далеким,

Я не буду печальным и злым.

“Мне из рая, прохладного рая,

Видны белые отсветы дня...

И мне сладко — не плачь, дорогая, —Знать, что ты отравила меня”.

142. У КАМИНА

Наплывала тень... Догорал камин, Руки на груди, он стоял один,

Неподвижный взор устремляя вдаль, Горько говоря про свою печаль: "Я пробрался вглубь неизвестных стран, Восемьдесят дней шел мой караван; "Цепи грозных гор, лес, а иногда

Странные вдали чьи-то города,

"И не раз из них в тишине ночной

В лагерь долетал непонятный вой.

"Мы рубили лес, мы копали рвы, Вечерами к нам подходили львы.

"Но трусливых душ не было меж нас, Мы стреляли в них, целясь между глаз.

"Древний я отрыл храм из под песка, Именем моим названа река,

"И в стране озер пять больших племен

Слушались меня, чтити мой закон.

"Но теперь я слаб, как во власти сна, И больна душа, тягостно больна; "Я узнал, узнал, что такое страх, Погребенный здесь в четырех стенах; "Даже блеск ружья, даже плеск волны

Эту цепь порвать ныне не вольны... "

И, таяв глазах злое торжество, Женщина в углу слушала его.

143. МАРГАРИТА

Валентин говорит о сестре в кабаке, Выхваляет ее ум и лицо,

А у Маргариты на левой руке

Появилось дорогое кольцо.

А у Маргариты спрятан ларец

Под окном в зеленом плюще,

Ей приносит так много серег и колец

Злой насмешник в красном плаще.

Хоть высоко окно в Маргаритин приют, У насмешника лестница есть;

Пусть звонко на улицах студенты поют, Прославляя Маргаритину честь,

Слишком ярки рубины и томен апрель, Чтоб забыть обо всем, не знать ничего...

Марта гладит любовно полный кошель, Только... серой несет от него.

Валентин, Валентин, позабудь свой позор, Ах, чего не бывает в летнюю ночь!

Уж на что Риголетто был горбат и хитер, И над тем насмеялась родная дочь.

Грозно Фауста в бой ты зовешь, но вотще!

Его нет... Его выдумал девичий стыд; Лишь насмешника в красном и дырявом плаще

Ты найдешь... и ты будешь убит.

144. ОБОРВАНЕЦ

Я пойду по гулким шпалам,

Думать и следить

В небе желтом, в небе алом

Рельс бегущих нить.

В залы пасмурные станций

Забреду, дрожа,

Коль не сгонят оборванца

С криком сторожа.

А потом мечтой упрямой

Вспомню в сотый раз

Быстрый взгляд красивой дамы,

Севшей в первый класс.

Что ей, гордой и далекой,

Вся моя любовь?

Но такой голубоокой

Мне не видеть вновь!

Расскажу я тайну другу,

Подтруню над ним,

В теплый час, когда по лугу

Вечер стелет дым.

И с улыбкой безобразной

Он ответит: "Ишь!

Начитался дряни разной,

Вот и говоришь".

145. ТУРКЕСТАНСКИЕ ГЕНЕРАЛЫ

Под смутный говор, стройный гам, Сквозь мерное сверканье балов, Так странно видеть по стенам

Высоких старых генералов.

Приветный голос, ясный взгляд, Бровей седеющих изгибы

Нам ничего не говорят

О том, о чем сказать могли бы.

И кажется, что в вихре дней,

Среди сановников и денди,

Они забыли о своей

Благоухающей легенде.

Они забыли дни тоски,

Ночные возгласы: "к оружию",

Унылые солончаки

И поступь мерную верблюжью;

Поля неведомой земли,
И гибель роты несчастливой,
И Уч-Кудук, и Киндерли,
И русский флаг над белой Хивой.
Забыли? — Нет! Ведь каждый час
Каким-то случаем прилежным
Туманит блеск спокойных глаз,
Напоминает им о прежнем.
— “Что с вами?” — “Так, нога болит”.
— “Подагра?” — “Нет, сквозная рана”. —И сразу сердце защемит
Тоска по солнцу Туркестана.
И мне сказали, что никто
Из этих старых ветеранов,
Средь копий Греза и Ватто,
Средь мягких кресел и диванов, Не скроет ветхую кровать,
Ему служившую в походах,
Чтоб вечно сердце волновать
Воспоминаям о невзгодах.

146-149. АБИССИНСКИЕ ПЕСНИ

1. ВОЕННАЯ

Носороги топчут наше дурро,
Обезьяны обрывают смоквы,
Хуже обезьян и носорогов
Белые бродяги итальянцы.
Первый флаг забился над Харраром, Это город раса Маконена,
Вслед за ним проснулся древний Аксум
И в Тигрэ заухали гиены.
По лесам, горам и плоскогорьям
Бегают свирепые убийцы,
Вы, перерывающие горло,
Свежей крови вы напьетесь нынче.
От куста к кусту переползайте, Как ползут к своей добыче змеи, Прыгайте стремительно с утесов —Вас прыжкам учили леопарды.
Кто добудет в битве больше ружей, Кто зарежет больше итальянцев, Люди назовут того ашкером
Самой белой лошади негуса.

II. ПЯТЬ БЫКОВ

Я служил пять лет у богача,
Я стерег в полях его коней,

И за то мне подарил богач

Пять быков, приученных к ярму.

Одного из них зарезал лев,

Я нашел в траве его следы,

Надо лучше охранять крааль,

Надо на ночь зажигать костер.

А второй взбесился и бежал,

Звонкою ужаленный осой,

Я блуждал по зарослям пять дней, Но нигде не мог его найти.

Двум другим подсыпал мой сосуд

В пойло ядовитой белены,

И они валялись на земле

С высунутым синим языком.

Заколол последнего я сам,

Чтобы было, чем попить

В час, когда пылал соседский дом

И вопил в нем связанный сосед.

III. НЕВОЛЬНИЧЬЯ

По утрам просыпаются птицы,

Выбегают в поле газели,

И выходит из шатра европеец,

Размахивая длинным бичом.

Он садится под тенью пальмы,

Обвернув лицо зеленой вуалью,

Ставит рядом с собой бутылку виски

И хлещет лентящихся рабов.

Мы должны чистить его вещи,

Мы должны стеречь его мулов,

А вечером есть солонину,

Которая испортилась днем.

Слава нашему хозяину европейцу, У него такие дальнобойные ружья, У него такая острая сабля

И так больно хлещущий бич!

Слава нашему хозяину европейцу, Он храбр, но он не догадлив,

У него такое нежное тело,

Его сладко будет пронзить ножом!

IV. ЗАНЗИБАРСКИЕ ДЕВУШКИ

Раз слышал бедный абиссинец,

Что далеко, на севере, в Каире

Занзибарские девушки пляшут

И любовь продают за деньги.

А ему давно надоели

Жирные женщины Габеша,

Хитрые и злые сомалийки

И грязные поденщицы Каффы.

И отправился бедный абиссинец

На своем единственном муле

Через горы, леса и степи

Далеко, далеко на север.

На него нападали воры,

Он убил четверых и скрылся,

А в густых лесах Сенаара

Слон-отшельник растоптал его мула.

Двадцать раз обновлялся месяц, Пока он дошел до Каира

И вспомнил, что у него нет денег, И пошел назад той же дорогой.

III. ИЗ ТЕОФИЛЯ ГОТЬЕ

150. НА БЕРЕГУ МОРЯ

Уронила луна из ручек

— Так рассеянна до сих пор —

Веер самых розовых тучек

На морской голубой ковер.

Наклонилась... достать мечтает

Серебристой тонкой рукой,

Но напрасно! Он уплывает,

Уносимый быстрой волной.

Я б достать его взялся... смело, Луна, я б прыгнул в поток,

Если б ты спуститься хотела

Иль подняться к тебе я мог.

151. ИСКУССТВО

Созданье тем прекрасней,

Чем взятый материал

Бесстрастней —

Стих, мрамор иль металл.

О светлая подруга,

Стеснения гони,

Но туго

Котурны затыни.

Прочь легкие приемы,

Башмак по всем ногам,

Знакомый

И нищим, и богам.

Скульптор, не мни покорной

И вялой глины ком,

Упорно

Мечтая о другом.

С паросским иль каррарским

Борись обломком ты,

Как с царским

Жилищем красоты.

Прекрасная темница!

Сквозь бронзу Сиракуз

Глядится

Надменный облик муз.

Рукою нежной брата

Очерчивай уклон

Агата —

И выйдет Аполлон.

Художник! Акварели

Тебе не будет жаль!

В купели

Расплавь свою эмаль.

Твори сирен зеленых

С усмешкой на губах,

Склоненных

Чудовищ на гербах.

В трехъярусном сиянья

Мадонну и Христа,

Пыланье

Латинского креста.

Все прах. — Одно, ликуя,

Искусство не умрет.

Статуя

Переживет народ.

И на простой медали,

Открытой средь камней,

Видали

Неведомых царей.

И сами боги тленны,

Но стих не кончит петь,

Надменный,

Властительней, чем медь.

Чеканить, гнуть, бороться, —

И зыбкий сон мечты

Вольется

В бессмертные черты.

152. АНАКРЕОНТИЧЕСКАЯ ПЕСЕНКА

Ты хочешь чтоб была я смелой?

Так не пугай, поэт, тогда

Моей любви, голубки белой

На небе розовом стыда.

Идет голубка по аллее

И в каждом чудится ей враг,

Моя любовь еще нежнее,

Бежит, коль к ней направить шаг.

Немой, как статуя Гермеса,

Остановись, и вздрогнет бук, —Смотри, к тебе из чащи леса

Уже летит крылатый друг.

И ты почувствуешь дыханье

Какой-то ласковой волны

И легких, легких крыл дрожанье

В сверканьи сладком белизны.

И на плечо твое голубка

Слетит, уже приручена,

Чтобы из розового кубка

Вкусил ты сладкого вина.

153. РОНДОЛЛА

Ребенок с видом герцогини,

Голубка сокола страшной, —

Меня не любишь ты, но ныне

Я буду у твоих дверей.

И там стоять я буду, струны

Щипля и в дерево стуча,

Пока внезапно лоб твой юный

Не озарит в окне свеча.

Я запрещу другим гитарам

Поблизости меня звенеть.

Твой переулочек — мне: недаром

Я говорю другим: “не смей”.

И я отрежу оба уха

Нахалу, если только он

Куплет свой звонко или глухо

Придет запеть под твой балкон.

Мой нож шевелится как пьяный.

Ну что ж? Кто любит красный цвет?

Кто хочет краски на кафтаны,

Гранатов алых для манжет?

Ах, крови в жилах слишком скучно, Не вечно ж ей томиться там,

А ночь темна, а ночь беззвучна: Спешите, трусы, по домам.

Вперед, задиры! Вы без страха, И нет для вас запретных мест,

На ваших лбах моя наваха

Запечатлеет рваный крест.

Пускай идут, один иль десять,

Рыча, как бешеные псы, —

Я в честь твою хочу повесить

Себе на пояс их носы.

И чрез канаву, что обычно

Марают шелк чулок твоих,

Я мост устрою — и отличный

Из тел красавцев молодых.

Ах, если саван мне обещан

Из двух простынь твоих, — войну

Я подниму среди адских трещин, Я нападу на Сатану.

Глухая дверь, окно слепое,

Ты можешь слышать голос мой:

Так бык пронзенный, землю роя, Ревет, а вокруг собачий вой.

О, хоть бы гвоздь был в этой дверце, Чтоб муки прекратить мои ...

К чему мне жить, скрывая в сердце

Томленье злобы и любви?

154. ГИППОПОТАМ

Гиппопотам с огромным брюхом

Живет в Яванских тростниках,

Где в каждой яме стонут глухо

Чудовища, как в страшных снах.

Свистит боа, скользя над кручей, Тигр угрожающе рычит,

И буйвол фыркает могучий,

А он пасется или спит.

Ни стрел, ни острых ассагаев, —Он не боится ничего,

И пули меткие сипаев

Скользят по панцырю его.

И я в родне гиппопотама:

Одет в броню моих святынь,

Иду торжественно и прямо

Без страха посреди пустынь.

IV. ПОЭМЫ

155. БЛУДНЫЙ СЫН

1.

Нет дома подобного этому дому!

В нем книги и ладан, цветы и молитвы!

Но, видишь, отец, я томлюсь по иному, Пусть в мире есть слезы, но в мире есть битвы.

На то ли, отец, я родился и вырос, Красивый, могучий и полный здоровья, Чтоб счастье побед заменил мне твой клирос

И гул изумленной толпы — славословья.

Я больше не мальчик, не верю обманам, Надменность и кротость — два взмаха кадила, И Петр не унижится пред Иоанном, И лев перед агнцем, как в сне Даниила.

Позволь, да твое приумножу богатство, Ты плачешь над грешным, а я негодую, Мечом укреплю я свободу и братство, Свирепых огнем научу поцелую.

Весь мир для меня открывается внове, И я буду князем во имя Господне...

О счастье! О пенье бунтующей крови!

Отец, отпусти меня... завтра... сегодня!..

2.

Как розов за портиком край небосклона!

Как веселы в пламенном Тибре галеры!

Пушай приведут мне танцовщиц Сидона

И Тира, и Смирны... во имя Венеры.

Цветов и вина, дорогих благовоний...

Я праздную день мой в веселой столице!

Но где же друзья мои, Цинна, Петроний?..

А вот они, вот они, *salve amice*.

Идите скорей, ваше ложе готово, И розы прекрасны, как женские щеки; Вы помните верно отцовское слово, Я послан сюда был исправить пороки...

Но в мире, которым владеет превратность, Постигнув философов римских науку, Я вижу один лишь порок — неопрятность, Одну добродетель — изящную скуку.

Петроний, ты морщишься? Будь я повешен, Коль ты недоволен моим сиракузским!

Ты, Цинна, смеешься? Не правда ль, потешен

Тот раб косоглазый и с черепом узким?

3.

Я падаль сволок к тростникам отдаленным

И пойло для мулов поставил в их стойла; Хозяин, я голоден, будь благосклонным, Позволь, мне так хочется этого пойла.

За ригой есть куча лежалого сена, Быки не едят его, лошади тоже: Хозяин, твои я целую колена,

Позволь из него приготовить мне ложе.

Усталость — работнику помощь плохая, И слепнут глаза от соленого пота, О, день, только день провести, отдыхая...

Хозяин, не бей! Укажи, где работа.

Ах, в рощах отца моего апельсины, Как красное золото, полднем бездонным, Их рвут, их бросают в большие корзины

Красивые девушки с пенем влюбленным.

И с думой о сыне там бодрствует ночи

Старик величавый с седой бородою, Он грустен... пойду и скажу ему: "Отче, Я грешен пред Господом и пред тобою".

4.

И в горечи сердце находит уладу: Вот сад, но к нему подойти я не смею, Я помню... мне было три года... по саду

Я взапуски бегал с лисицей моею.

Я вырос! Мой опыт мне дорого стоит, Томили предчувствия, грызла потеря...

Но целое море печали не смоем

Из памяти этого первого зверя.

За садом возносятся гордые своды, Вот дом — это дедов моих пепелище, Он, кажется, вырос за долгие годы, Пока я блуждал, то распутник, то нищий.

Там празднество: звонку грохочет посуда, Дымятся тельцы и румянится тесто, Сестра моя вышла, с ней девушка-чудо, Вся в белом и с розами, словно невеста.

За ними отец... Что скажу, что отвечу, Иль снова блуждать мне без мысли и цели?

Узнал... догадался... идет мне навстречу...

И праздник, и эта невеста... не мне ли?!

156. ОТКРЫТИЕ АМЕРИКИ

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Свежим ветром снова сердце пьяно, Тайный голос шепчет: "все покинь!" —Перед дверью над кустом бурьяна

Небосклон безоблачен и синь,

В каждой луже запах океана,

В каждом камне веянье пустынь.

Мы с тобою, Муза, быстроноги,

Любим ивы вдоль степной дороги, Мерный скрип колес и вдалеке

Белый парус на большой реке.

Этот мир, такой святой и строгий, Что нет места в нем пустой тоске.

Ах, в одном божественном движеньи, Косным, нам дано преображенье, В нем и мы — не только отраженье, В нем живым становится, кто жил...

О пути земные, сетью жил,

Розой вен вас Бог расположил!

И струится, и поет по венам

Радостно бушующая кровь;

Нет конца обетам и изменам,

Нет конца веселым переменам,

И отсталых подгоняют вновь

Плетью боли Голод и Любовь.

Дикий зверь бежит из пущей в пуши, Краб ползет на берег при луне, И блуждает ястреб в вышине, —Голодом и Страстью всемогущей

Все больны, — летящий и бегущий, Плавающий в черной глубине.

Веселы, нежданны и кровавы

Радости, печали и забавы

Дикой и пленительной земли;

Но всего прекрасней жажда славы, Для нее рождаются короли,

В океанах ходят корабли.

Что же, Муза, нам с тобою мало, Хоть нежны мы, быть всегда вдвоем!

Скорбь о высшем в голосе твоём: Хочешь, мы с тобою уплывем

В страны нарда, золота, коралла

В первой каравелле Адмирала?

Видишь? город... веянье знамен...

Светит солнце, яркое, как в детстве, С колоколен раздаётся звон,

Провозвестник радости, не бедствий, И над портом, словно тяжкий стон, Слышен гул восторга и приветствий.

Где ж Колумб? Прохожий, укажи!

— “В келье разбирает чертежи

С нашим старым приором Хуаном; В этих прежних картах столько лжи, А шутить не должно с океаном

Даже самым смелым капитанам”.

Сыплется в узорное окно

Золото и пурпур повечерий,

Словно в зачарованной пещере,

Сон и явь сливаются в одно,

Время тихо, как веретено

Феи-сказки дедовских поверий.

В дорогой кольчуге Христофор,

Старый приор в праздничном убранстве, А за ними поднимает взор

Та, чей дух — крылатый метеор, Та, чей мир в святом непостоянстве, Чье название Муза Дальних Странствий.

Странны и горды обрывки фраз:

“Путь на юг? Там был уже Диас!”...

— Да, но кто слышал его рассказ?..” —... У страны Великого Могола

Острова”... — Но где же? Море голо.

Путь на юг... — “Сеньор! А Марко Поло?”

Вот взвился над старой башней флаг, Постучали в дверь — условный знак, —Но друзья не слышат. В жарком споре

Что для них отлив, растущий в море!..

Столько не разобрано бумаг,

Столько не досказано историй!

Лишь когда в сады спустилась мгла, Стало тихо и прохладно стало,

Муза тайный долг свой угадала, Подошла и властно адмирала,

Как ребенка, к славе увела

От его рабочего стола.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Двадцать дней как плыли каравеллы, Встречных волн проламывая грудь; Двадцать дней как компасные стрелы

Вместо карт указывали путь,

И как самый бодрый, самый смелый

Без тревожных снов не мог заснуть.

И никто на корабле, бегущем

К дивным странам, заповедным кушам, Не дерзал подумать о грядущем; В мыслях было пусто и темно;

Хмуρο измеряли лотом дно,

Парусов -чинили полотно.

Астрологи в вечер их отплытья

Высчитали звездные события,

Их слова гласили: "все обман".

Ветер слева вспенил океан,

И пугали ужасом наитья

Темные пророчества гитан.

И напрасно с кафедры прелаты

Столько обещали им наград,

Обещали рыцарские латы,

Царства обещали вместо платы,

И про золотой индийский сад

Столько станц гремело и баллад...

Все прошло как сон! А в настоящем —Смутное предчувствие беды,

Вместо славы — тяжкие труды

И под вечер — призраком горящим, Злобно ждущим и жестоко мстящим —Солнце в бездне огненной воды.

Хозе помешался и сначала

С топором пошел на адмирала,

А потом забился в дальний трюм

И рыдал... Команда не внимала, И несчастный помутневший ум

Был один во власти страшных дум.

По ночам садились на канаты

И шептались — а хотелось выть: "Если долго вслед за солнцем плыть, То беды кровавой не избыть:

Солнце в бездне моется проклятой, Солнцу ненавистен соглядатай!"

Но Колумб забыл бунтовщиков,

Он молчит о лени их и пьянстве; Целый день на мостике готов,

Как влюбленный, грезить о пространстве; В шуме волн он слышит сладкий зов, Уверенья Музы Дальних Странствий.

И пред ним смирялись моряки:

Так над кручей злобные быки

Топчутся, их гонит пастырь горный, В их сердцах отчаянье тоски,

В их мозгу гнездится ужас черный, Взор свиреп... и все ж они покорны!

Но не в город, и не под копье

Смуглым и жестоким пикадорам,
Адмирал холодным гонит взором
Стадо оробелое свое,
А туда, в иное бытие,
К новым, лучшим травам и озерам.
Если светел мудрый астролог,
Увидав безвестную комету;
Если, новый отыскав цветок,
Мальчик под собой не чует ног; Если выше счастья нет поэту,
Чем придать нежданый блеск сонету; Если как подарок нам дана
Мыслей неоткрытых глубина,
Своего не знающая дна,
Старше солнц и вечно молодая...
Если смертный видит отсвет рая, Только неустанно открывая:
— То Колумб светлее, чем жених
На пороге радостей ночных,
Чудо он духовным видит оком,
Целый мир, неведомый пророкам, Что залег в пучинах голубых,
Там, где запад сходится с востоком.
Эти воды Богом прокляты!
Этим страшным рифам нет названья!
Но навстречу жадного мечтанья
Уж плывут, плывут, как обещанья, В море ветви, травы и цветы,
В небе птицы странной красоты.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

— “Берег, берег!..” И чинивший знамя
Замер, прикусив зубами нить,
А державший голову руками
Сразу не посмел их опустить.
Вольный ветер веял парусами,
Каравеллы продолжали плыть.
Кто он был, тот первый, светлоокий, Что, завидев с палубы высокой
В диком море остров одинокий,
Закричал, как коршуны кричат?
Старый кормщик, рыцарь иль пират, Ныне он Колумбу — младший брат!
Что один исчислил по таблицам, Чертежам и выцветшим страницам, Ночью угадал по вещим снам, —То увидел в яркий полдень сам
Тот, другой, подобный зорким птицам, Только птицам, Муза, им и нам.
Словно дети прыгают матросы,

Я так счастлив... нет, я не могу...

Вон журавль смешной и длинноносый

Полетел на белые утесы,

В синем небе описав дугу.

Вот и берег... мы на берегу.

Престарелый, в полном облачении, Патер совершил богослуженье,

Он молил: — “О Боже, не покинь

Грешных нас”... — кругом звучало пенье, Медленная, медная латынь

Породнилась с шумами пустынь.

И казалось, эти же поляны

Нам не раз мерещились в бреду...

Так же на змеистые лианы

С криками взбегали обезьяны;

Цвел волчец; как грешники в аду, Звонко верещали какаду...

Так же сладко липся в наши груди

Аромат невиданных цветов,

Каждый шаг был так же странно нов, Те же выходили из кустов,

Улыбаясь и крича о чуде,

Красные, как медь, нагие люди.

Ах! не грезил с нами лишь один, Лишь один хранил в душе тревогу, Хоть сперва, склонясь, как паладин

Набожный, и он молился Богу,

Хоть теперь целует прах долин, Стебли трав и пыльную дорогу.

Как у всех матросов, грудь нага, В левом ухе медная серьга

И на смуглой шее нить коралла, Но уста (их тайна так строга), Взор, где мысль гореть не перестала, Выдали нам, Муза, адмирала.

Он печален, этот человек,

По морю прошедший, как по суше, Словно шашки,двигающий души

От родных селений, мирных нег

К диким устьям безымянных рек...

Что он шепчет!.. Муза, слушай, слушай!

— “Мой высокий подвиг я свершил, Но томится дух, как в темном склепе.

О Великий Боже, Боже Сил,

Если я награду заслужил,

Вместо славы и великолепей,

Дай позор мне, Вышний, дай мне цепи!

— “Крепкий мех так горд своим вином, Но когда вина не стало в нем,

Пусть хозяин бросит жалкий ком!

Раковина я, но без жемчужин,

Я поток, который был запружен, —Спущенный, теперь уже не нужен”. —Да! Пробудит в черни площадной

Только смех бессмысленно тупой, Злость в монахах, ненависть в дворянстве

Гений, обвиненный в шарлатанстве!

Как любовник, для игры иной

Он покинут Музой Дальних странствий...

Я молчал, закрыв глаза плащом.

Как струна, натянутая туго,

Сердце билось быстро и упруго, Как сквозь сон я слышал, что подруга

Мне шепнула: “Не скорби о том, Кто Колумбом назван... Отойдем!”

Колчан

Татиане Викторовне Адамович

157. ПАМЯТИ АННЕНСКОГО

К таким неожиданным и певучим бредням

Зовя с собой умы людей,

Был Иннокентий Анненский последним

Из царскосельских лебедей.

Я помню дни: я, робкий, торопливый, Входил в высокий кабинет,

Где ждал меня спокойный и учтивый, Слегка седеющий поэт.

Десяток фраз, пленительных и странных, Как бы случайно уроня,

Он вбрасывал в пространства безымянных

Мечтаний — слабого меня.

О, в сумрак отступающие вещи

И еле слышные духи,

И этот голос, нежный и зловещий, Уже читающий стихи!

В них плакала какая-то обида,

Звенела медь и шла гроза,

А там, над шкафом, профиль Эврипида

Слепил горящие глаза.

...Скамью я знаю в парке; мне сказали, Что он любил сидеть на ней,

Задумчиво смотря, как сини дали

В червонном золоте аллей.

Там вечером и страшно и красиво, В тумане светит мрамор плит,

И женщина, как серна боязлива, Во тьме к прохожему спешит.

Она глядит, она поет и плачет, И снова плачет и поет,

Не понимая, что все это значит, Но только чувствуя — не тот.

Журчит вода, протачивая шлюзы, Сырой травой пахнет мгла,

И жалок голос одинокой музы,

Последней — Царского Села.

158. ВОЙНА

М. М. Чичтову.

Как собака на цепи тяжелой,

Тявкает за лесом пулемет,

И жужжат шрапнели, словно пчелы, Собирая ярко-красный мед.

А “ура” вдали, как будто пенье

Трудный день окончивших жнецов.

Скажешь: это — мирное селенье

В самый благостный из вечеров.

И воистину светло и свято

Дело величавое войны,

Серафимы, ясны и крылаты,

За плечами воинов видны.

Тружеников, медленно идущих

На полях, омоченных в крови,

Подвиг сеющих и славу жнущих,

Ныне, Господи, благослови.

Как у тех, что гнутся над сохою, Как у тех, что молят и скорбят, Их сердца горят перед Тобою,

Восковыми свечками горят.

Но тому, о Господи, и силы

И победы царский час даруй,

Кто поверженному скажет: — Милый, Вот, прими мой братский поцелуй!

159. ВЕНЕЦИЯ

Поздно. Гиганты на башне

Гулко ударили три.

Сердце ночами бесстрашной,

Путник, молчи и смотри.

Город, как голос наяды,

В призрачно-светлом былом,

Кружев узорней аркады,

Воды застыли стеклом.

Верно, скрывают колдуний

Завесы черных гондол

Там, где огни на лагуне

— Тысячи огненных пчел.

Лев на колонне, и ярко

Львиные очи горят,

Держит Евангелье Марка,

Как серафимы крылат.

А на высотах собора,

Где от мозаики блеск,

Чу, голубинога хора

Вздых, воркованье и плеск.

Может быть, это лишь шутка,

Скал и воды колдовство,

Марево? Путнику жутко,

Вдруг... никого, ничего?

Крикнул. Его не слышали,

Он, оборвавшись, упал

В зыбкие, бледные дали

Венецианских зеркал.

160. СТАРЫЕ УСАДЬБЫ

Дома косые, двухэтажные,

И тут же рига, скотный двор,

Где у корыта гуси важные

Ведут немолчный разговор.

В садах настурции и розаны,

В прудах зацветших караси,

— Усадьбы старые разбросаны

По всей таинственной Руси.

Порою в полдень льется по лесу

Неясный гул, невнятный крик,

И угадать нельзя по голосу,

То человек иль лесовик.

Порою крестный ход и пение,

Звонят вовсе колокола,

Бегут, — то значит, по течению

В село икона приплыла.

Русь бредит Богом, красным пламенем, Где видно ангелов сквозь дым...

Они ж покорно верят знаменьям, Любя свое, живя своим.

Вот, гордый новою поддевкою,
Идет в гостиную сосед.
Поникнув русою головою,
С ним дочка — восемнадцать лет.
— “Моя Наташа бесприданница,
Но не отдам за бедняка”. —
И ясный взор ее туманится,
Дрожа, сжимается рука.
— “Отец не хочет... нам со свадьбою
Опять придется погодить”. —
Да что! В пруду перед усадьбою
Русалкам бледным плохо ль жить?
В часы весеннего томления
И пляски белых облаков
Бывают головокружения
У девушек и стариков.
Но старикам — золотоглавые,
Святые, белые скиты,
А девушкам — одни лукавые
Увещеванья пустоты.
О, Русь, волшебница суровая,
Повсюду ты свое возьмешь.
Бежать? Но разве любишь новое
Иль без тебя да проживешь?
И не расстаться с амулетами,
Фортуна катит колесо,
На полке, рядом с пистолетами, Барон Брамбеус и Руссо.

161. ФРА БЕАТО АНДЖЕЛИКО

В стране, где гиппогриф веселый льва
Крылатого зовет играть в лазури, Где выпускает ночь из рукава
Хрустальных нимф и венценосных фурий; В стране, где тихи гробы мертвецов, Но где жива их воля, власть и сила, Среди многих
знаменитых мастеров, Ах, одного лишь сердце полюбило.
Пускай велик небесный Рафаэль, Любимец бога скал, Буонаротти, Да Винчи, колдовской вкусивший хмель, Челлини, давший бронзе тайну
плоти.
Но Рафаэль не греет, а спит, В Буонаротти страшно совершенство, И хмель да Винчи душу замутит, Ту душу, что поверила в
блаженство
На Фьезоле, среди тонких тополей, Когда горят в траве зеленой маки, И в глубине готических церквей, Где мученики спят в прохладной
раке.

На всем, что сделал мастер мой, печать

Любви земной и простоты смиренной.

О да, не все умел он рисовать, Но то, что рисовал он, — совершенно.

Вот скалы, рощи, рыцарь на коне, — Куда он едет, в церковь иль к невесте?

Горит заря на городской стене, Идут стада по улицам предместий; Мария держит Сына Своего,

Кудрявого, с румянцем благородным, Такие дети в ночь под тождество

Наверно снятся женщинам бесплодным; И так нестрашен связанным святым

Палач, в рубашку синюю одетый, Им хорошо под нимбом золотым:

И здесь есть свет, и там — иные свету.

А краски, краски — яркие и чисты, Они родились с ним и с ним погасли.

Преданье есть: он растворял цветы

В епископами освященном масле.

И есть еще преданье: серафим

Слетал к нему, смеющийся и ясный, И кисти брал и состязался с ним

В его искусстве дивном... но напрасно.

Есть Бог, есть мир, они живут вовек, А жизнь людей мгновенна и убога, Но все в себе вмещает человек, Который любит мир и верит в Бога.

162. РАЗГОВОР

Георгию Иванову

Когда зеленый луч, последний на закате, Блеснет и скроется, мы не узнаем где, Тогда встает душа и бродит, как лунатик, В садах заброшенных, в безлюдьи площадей.

Весь мир теперь ее, ни ангелам ни птицам

Не позавидует она в тиши аллей.

А тело тащится вослед и тайно злится, Угрюмо жалуясь на боль свою земле.

— “Как хорошо теперь сидеть в кафе счастливом, Где над людской толпой потрескивает газ, И слушать, светлое потягивая пиво, Как женщина поет “La p’tite Tonkinoise”.

— “Уж карты весело порхают над столами, Целят скучающих, мира их с бытием.

Ты знаешь, я люблю горячими руками

Касаться золота, когда оно мое”.

— “Подумай, каково мне с этой бесноватой, Воображаемым внимая голосам,

Смотреть на мелочь звезд; ведь очень небогато

И просто разубрал Севышний небеса”. — Земля по временам сочувственно вздыхает, И пахнет смолами, и пылью, и травой, И нудно думает, но все-таки не знает, Как усмирить души мятежной торжество.

— “Вернись в меня, дитя, стань снова грязным илом, Там, в глубине болот, холодным, скользким дном.

Ты можешь выбирать между Невой и Нилом

Отдохновению благоприятный дом”.

— “Пускай ушей и глаз навек сомкнутся двери, И пусть истлеет мозг, предавшийся врагу, А после станешь ты растеньем или зверем...

Знай, иначе помочь тебе я не могу”. — И все идет душа, горда своим уделом, К несуществующим, но золотым полям, И все спешит за ней,

изнемогая, тело, И пахнет тлением заманчиво земля.

163. РИМ

Волчица с пастью кровавой
На белом, белом столбе,
Тебе, увенчанной славой,
По праву привет тебе.
С тобой младенцы, два брата,
К сосцам стремятся припасть.
Они не люди, волчата,
У них звериная масть.
Не правда ль, ты их любила,
Как маленьких, встарь, когда,
Рыча от бранного пыла,
Сжигали они города?
Когда же в царство покоя
Они умчались, как вздох,
Ты, долго и страшно воя,
Могилу рыла для трех.
Волчица, твой город тот же
У той же быстрой реки
Что мрамор высоких лоджий,
Колонн его завитки,
И лик Мадонн вдохновенный,
И храм святого Петра,
Покуда здесь неизменно
Зияет твоя нора,
Покуда жесткие травы
Растут из дряхлых камней
И смотрит месяц кровавый
Железных римских ночей?!
И город цезарей дивных,
Святых и великих пап,
Он крепок следом призывных,
Косматых звериных лап.

164. ПЯТИСТОПНЫЕ ЯМБЫ

М. Л. Лозинскому

Я помню ночь, как черную наяду, В морях под знаком Южного Креста.
Я плыл на юг; могучих волн громаду
Взрывали мощно лопасти винта,
И встречные суда, очей отраду, Брала почти мгновенно темнота.
О, как я их жалел, как было странно
Мне думать, что они идут назад
И не остались в бухте необманной, Что дон Жуан не встретил донны Анны, Что гор алмазных не нашел Синдбад
И Вечный Жид несчастней во сто крат.
Но проходили месяцы, обратно
Я плыл и увозил клыки слонов,
Картины абиссинских мастеров,
Меха пантер — мне нравились их пятна
И то, что прежде было непонятно, Презренье к миру и усталость снов.
Я молод был, был жаден и уверен, Но дух земли молчал, высокомерен, И умерли слепящие мечты,
Как умирают птицы и цветы.
Теперь мой голос медлен и размерен, Я знаю, жизнь не удалась... — и ты, Ты, для кого искал я на Леванте
Нетленный пурпур королевских мантий, Я проиграл тебя, как Дамаянти
Когда-то проиграл безумный Наль.
Взлетели кости, звонкие, как сталь, Упали кости — и была печаль.
Сказала ты, задумчивая, строго: — “Я верила, любила слишком много, А ухожу, не веря, не любя,
И пред лицом Всевидящего Бога; Быть может, самое себя губя,
Навек я отрекаюсь от тебя”.
Твоих волос не смел поцеловать я, Ни даже сжать холодных, тонких рук, Я сам себе был гадок, как паук, Меня пугал и мучил каждый звук,
И ты ушла, в простом и темном платье, Похожая на древнее Распятье.
То лето было грозами полно,
Жарой и духотою небывалой,
Такой, что сразу делалось темно
И сердце биться вдруг переставало, В полях колосья сыпали зерно,
И солнце даже в полдень было ало.
И в реве человеческой толпы,
В гуденьи проезжающих орудий,
В немолчном зове боевой трубы
Я вдруг услышал песнь моей судьбы
И побежал, куда бежали люди,
Покорно повторяя: буди, буди.
Солдаты громко пели, и слова
Невнятно были, сердце их ловило: — “Скорей вперед! Могила, так могила!

Нам ложем будет свежая трава,
А пологом — зеленая листва,
Союзником — архангельская сила”.
Так сладко эта песнь лилась, маня, Что я пошел, и приняли меня,
И дали мне винтовку и коня,
И поле, полное врагов могучих, Гудящих грозно бомб и пуль певучих, И небо в молнийных и рдяных тучах.
И счастием душа обожжена
С тех самых пор; веселием полна
И ясностью, и мудростью, о Боге
Со звездами беседует она,
Глас Бога слышит в воинской тревоге
И Божьими зовет свои дороги.
Честнейшую честнейших херувим, Славнейшую славнейших серафим, Земных надежд небесное Свершенье
Она величит каждое мгновенье
И чувствует к простым словам своим
Вниманье, милость и благоволенье.
Есть на море пустынном монастырь
Из камня белого, золотоглавый, Он озарен немеркнущю славой.
Туда б уйти, покинув мир лукавый, Смотреть на ширь воды и неба ширь... В тот золотой и белый монастырь!

1912-1915

165. ПИЗА

Солнце жжет высокие стены,
Крыши, площади и базары.
О, янтарный мрамор Сиены
И молочно-белый Каррары!
Все спокойно под небом ясным;
Вот, окончив псалом последний, Возвращаются дети в красном
По домам от поздней обедни.
Где ж они, суровые громы
Золотой тосканской равнины,
Ненасытная страсть Содомы
И голодный вопль Уголино?
Ах, и мукам счет и усладам
Не веками ведут — годами!
Гибеллины и гвельфы рядом
Задремади в гробах с гербами.
Все проходит, как тень, но время

Остается, как прежде, мстящим, И былое, темное бремя

Продолжает жить в настоящем.

Сатана в нестерпимом блеске,

Оторвавшись от старой фрески,

Наклонился с тоской всегдашней

Над кривою пизанской башней.

166. ЮДИФЬ

Какой мудрейшею из мудрых пифий

Поведан будет нам нелицемерный

Рассказ об иудеянке Юдифи,

О вавилонянине Олоферне?

Ведь много дней томилась Иудея, Опалена горячими ветрами,

Ни спорить, ни покорствовать не смея, Пред красными, как зарево, шатрами.

Сатрап был мощен и прекрасен телом, Был голос у него, как гул сраженья, И все же девушкой не овладело

Томительное головокруенье.

Но, верно, в час блаженный и проклятый, Когда, как омут, приняло их ложе, Поднялся ассирийский бык крылатый, Так странно с ангелом любви несхожий.

Иль может быть, в дыму каминов рея

И вскрикивая в грохоте тимпана, Из мрака будущего Саломея

Кичилась головой Иоканаана.

167. НА ОСТРОВЕ

Над этим островом какие выси,

Какой туман!

И Апокалипсис был здесь написан, И умер Пан!

А есть другие: с пальмами, с лугами, Где весел жнец,

И где позванивают бубенцами

Стада овец.

И скрипку, дивно выгнутую, в руки, Едва дыша,

Я взял и слушал, как бежала в звуки

Ее душа.

Ах, это только чары, что судьбою

Я побежден,

Что ночью звездный дождь над головою, И стон, и звон.

Я вольный, снова верящий удачам, Я — тот, я в том.

Целую девушку с лицом горячим

И с жадным ртом.

Прерывных слов, объятий перемены

Томят и жгут,

А милые нас обступили стены

И стерегут.

Как содрогается она — в улыбке

Какой вопрос!

Увы, иль это только стоны скрипки

Под взором звезд.

168. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Анне Ахматовой.

Я из дому вышел, когда все спали, Мой спутник скрывался у рва в кустах, Наверно на утро меня искали,

Но было поздно, мы шли в полях.

Мой спутник был желтый, худой, раскосый.

О, как я безумно его любил!

Под пестрой хламидой он прятал косу, Глазами гадюки смотрел и ныл.

О старом, о странном, о безбольном, О вечном слагалось его нытье,

Звучало мне звоном колокольным, Ввергало в истому, в забытье.

Мы видели горы, лес и воды,

Мы спали в кибитках чужих равнин, Порою казалось — идем мы годы, Казалось порою — лишь день один.

Когда ж мы достигли стены Китая, Мой спутник сказал мне: “Теперь прощай, Нам разны дороги: твоя — святая, А мне, мне сеять мой рис и чай”. —На белом пригорке, над полем чайным, У пагоды ветхой сидел Будда.

Пред ним я склонился в восторге тайном, И было сладко, как никогда.

Так тихо, так тихо над миром дольным, С глазами гадюки, он пел и пел

О старом, о странном, о безбольном, О вечном, и воздух вокруг светлел.

169. ЛЕОНАРД

Три года чума и голод

Разоряли большую страну,

И народ сказал Леонарду:

— Спаси нас, ты добр и мудр. —Старинных, заветных свитков

Все тайны знал Леонард.

В одно короткое лето

Страна была спасена.

Случились распри и войны,

Когда скончался король,

Народ сказал Леонарду:

— Отныне король наш ты. —

Была Леонарду знакома

Война, искусство царей,

Поэты победные оды

Не успевали писать.

Когда же страна усмирилась

И пахарь взялся за плуг,

Народ сказал Леонарду:

— Ты молод, возьми жену. —

Спокойный, ясный и грустный,

В ответ молчал Леонард,

А ночью скрылся из замка,

Куда — не узнал никто.

Лишь мальчик пастух, дремавший

В ту ночь в угрюмых горах,

Говорил, что явственно слышал

Согласный гул голосов.

Как будто орел, парящий,

Овен, человек и лев

Вопияли, пели, зывали,

Говорили зараз во тьме.

170. ПТИЦА

Я не смею больше молиться,

Я забыл слова литаний,

Надо мной грозящая птица,

И глаза у нее — огни.

Вот я слышу сдержанный клетот, Словно звон истлевших цимбал,

Словно моря дальнего рокот,

Моря, бьющего в груди скал.

Вот я вижу — когти стальные

Наклоняются надо мной,

Словно струи дрожат речные,

Озаряемые луной.

Я пугаюсь, чего ей надо,

Я не юноша Ганимед,

Надо мною небо Эллады

Не струило свой нежный свет.

Если ж это голубь Господень

Прилетел сказать: Ты готов! —

То зачем же он так несходен

С голубями наших садов?

171-172. КАНЦОНЫ

1.

Словно ветер страны счастливой, Носятся жалобы влюбленных.

Как колосья созревшей нивы,

Клонятся головы непреклонных.

Запевает араб в пустыне —

“Душу мне вырвали из тела”.

Стонет грек над пучиной синей — “Чайкою в сердце ты мне влетела”.

Красота ли им не покорна!

Теплит гречанка в ночь лампадки, А подруга араба зерна

Благовонные жжет в палатке.

Зов один от края до края,

Шире, все шире и чудесней,

Угадали ли вы, дорогая,

В этой бессвязной и бедной песне?

Дорогая с улыбкой летней,

С узкими, слабыми руками

И, как мед двухтысячелетний,

Душными, черными волосами.

2.

Об Адонисе с лунной красотой,

О Гиацинте тонком, о Нарциссе, И о Данае, туче золотой,

Еще грустят Аттические выси.

Грустят валы ямбических морей, И журавлей кочующие стаи,

И пальма, о которой Одиссей

Рассказывал смущенной Навзикае.

Печальный мир не очаруют вновь

Ни кудри душевные, ни взор призывный, Ни лепестки горячих губ, ни кровь, Стучавшая торжественно и дивно.

Правдива смерть, а жизнь бормочет ложь.

И ты, о нежная, чье имя — пенье, Чье тело — музыка, и ты идешь

На беспощадное исчезновенье.

Но, мне, увы, неведомы слова —Землетрясенья, громы, водопады, Чтоб и по смерти ты была жива, Как юноши и девушки Эллады.

173. ПЕРСЕЙ

Его издавна любят музы,

Он юный, светлый, он герой,

Он поднял голову Медузы

Стальной, стремительной рукой.

И не увидит он, конечно,

Он, в чьей душе всегда гроза,

Как хороши, как человечны

Когда-то страшные глаза,

Черты измученного болью,

Теперь прекрасного лица...

— Мальчишескому своеволью

Нет ни преграды, ни конца.

Вон ждет нагая Андромеда,

Пред ней свивается дракон,

Туда, туда, за ним победа

Летит, крылатая, как он.

174. СОЛНЦЕ ДУХА

Как могли мы прежде жить в покое

И не ждать ни радостей, ни бед, Не мечтать об огнезарном бое,

О рокочущей трубе побед.

Как могли мы... но еще не поздно, Солнце духа наклонилось к нам, Солнце духа благостно и грозно

Разлилось по нашим небесам.

Расцветает дух, как роза мая,

Как огонь, он разрывает тьму,

Тело, ничего не понимая,

Слепо повинуется ему.

В дикой прелести степных раздолий, В тихом таинстве лесной глуши

Ничего нет трудного для воли

И мучительного для души.

Чувствую, что скоро осень будет, Солнечные кончатся труды

И от древа духа снимут люди

Золотые, зрелые плоды.

175. СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Прошел патруль, стуча мечами,

Дурной монах прокрался к милой, Над островерхими домами

Неведомое опочило.

Но мы спокойны, мы поспорим

Со стражами Господня гнева,

И пахнет звездами и морем

Твой плащ широкий, Женевьева.

Ты помнишь ли, как перед нами

Встал храм, чернеющий во мраке, Над сумрачными алтарями

Горели огненные знаки.

Торжественный, гранитнокрылый, Он охранял наш город сонный,

В нем пели молоты и пилы,

В ночи работали масоны.

Слова их скупы и случайны,

Но взоры ясны и упрямы,

Им древние открыты тайны,

Как строить каменные храмы.

Поцеловав порог узорный,

Свершив коленопреклоненье,

Мы попросили так покорно

Тебе и мне благословенья.

Великий Мастер с нивелиром

Стоял средь грохота и гула

И прошептал: "Идите с миром,

Мы побеждаем Вельзевула".

Пока они живут на свете,
Творят закон святого сева,
Мы смело можем быть как дети,
Любить друг друга, Женевьева.

176. ПАДУАНСКИЙ СОБОР

Да, этот храм и дивен, и печален, Он — искушенье, радость и гроза, Горят в окошечках исповедален
Желаньем истомленные глаза.
Растет и падает напев органа
И вновь растет полнее и страшней, Как будто кровь, бунтующая пьяно
В гранитных венах сумрачных церквей.
От пурпура, от мучеников томных, От белизны их обнаженных тел,
Бежать бы из под этих сводов темных, Пока соблазн душой не овладел.
В глухой таверне старого квартала
Сесть на террасе и спросить вина, Там от воды приморского канала
Совсем зеленой кажется стена.
Скорей! Одно последнее усилие!
Но вдруг слабеешь, выходя на двор, —Готические башни, словно крылья, Католицизм в лазури распростер.

177. ОТЪЕЗЖАЮЩЕМУ

Нет, я не в том тебе завидую
С такой мучительной обидою,
Что уезжаешь ты и вскоре
На Средиземном будешь море.
И Рим увидишь, и Сицилию,
Места любезные Virgiliu,
В благоухающей, лимонной
Трущбе сложишь стих влюбленный.
Я это сам не раз испытывал,
Я солью моря грудь пропитывал, Над Арно, Данте чтя обычай,
Слагал сонеты Беатриче.
Что до природы мне, до древности, Когда я полон жгучей ревности, Ведь ты во всем ее убранстве
Увидел Музу Дальних Странствий.
Ведь для тебя в руках изменницы
В хрустальном кубке нектар пенится, И огнедышащей беседы
Ты знаешь молнии и бреды.
А я, как некими гигантами,

Горжественными фолиантами

От вольной жизни заперт в нишу, Ее не вижу и не слышу.

178. СНОВА МОРЕ

Я сегодня опять услышал,

Как тяжелый якорь ползет,

И я видел, как в море вышел

Пятипалубный пароход.

Оттого-то и солнце дышит,

А земля говорит, поет.

Неужель хоть одна есть крыса

В грязной кухне, иль червь в норе, Хоть один беззубый и лысый

И помешанный на добре,

Что не слышат песен Уллиса,

Призывающего к игре?

Ах, к игре с трезубцем Нептуна, С косами диких nereid

В час, когда буруны, как струны, Звонко лопаются и дрожит

Пена в них или груди юной,

Самой нежной из Афродит.

Вот и я выхожу из дома

Повстречаться с иной судьбой,

Целый мир, чужой и знакомый,

Породниться готов со мной:

Берегов изгибы, изломы,

И вода, и ветер морской.

Солнце духа, ах, беззакатно,

Не земле его побороть,

Никогда не вернусь обратно,

Усмирю усталую плоть,

Если лето благоприятно,

Если любит меня Господь.

179. АФРИКАНСКАЯ НОЧЬ

Полночь сошла, непроглядная темень, Только река от луны блестит,

А за рекой неизвестное племя,

Зажигая костры, шумит.

Завтра мы встретимся и узнаем, Кому быть властителем этих мест; Им помогает черный камень,

Нам — золотой нательный крест.

Вновь обхожу я бугры и ямы,

Здесь будут вещи, мулы тут;

В этой унылой стране Сидамо

Даже деревья не растут.

Весело думать: если мы одолеем, —Многих уже одолели мы, —

Снова дорога желтым змеем

Будет вести с холмов на холмы.

Если же завтра волны Уэби

В рев свой возьмут мой предсмертный вздох, Мертвый, увижу, как в бледном небе

С огненным черным борется бог.

Восточная Африка, 1913.

180. НАСТУПЛЕНИЕ

Та страна, что могла быть раем, Стала логовищем огня,

Мы четвертый день наступаем,

Мы не ели четыре дня.

Но не надо яства земного

В этот страшный и светлый час, Оттого что Господне слово

Лучше хлеба питает нас.

И залитые кровью недели

Ослепительны и легки,

Надо мною рвутся шрапнели,

Птиц быстрее взлетают клинки.

Я кричу, и мой голос дикий,

Это медь ударяет в медь,

Я, носитель мысли великой,

Не могу, не могу умереть.

Словно молоты громовые

Или воды гневных морей,

Золотое сердце России

Мерно бьется в груди моей.

И так сладко рядить Победу,

Словно девушку, в жемчуга,

Проходя по дымному следу

Отступающего врага.

181. СМЕРТЬ

Есть так много жизней достойных, Но одна лишь достойна смерть,

Лишь под пулями в рвах спокойных

Веришь в знамя Господне, твердь.

И за это знаешь так ясно,

Что в единственный, строгий час, В час, когда, словно облак красный, Милый день уплывет из глаз,

Свод небесный будет раздвинут

Пред душою, и душу ту

Белоснежные кони ринут

В ослепительную высоту.

Там Начальник в ярком доспехе, В грозном шлеме звездных лучей, И к старинной, бранной потехе

Огнекрылых зов трубачей.

Но и здесь на земле не хуже

Та же смерть — ясна и проста:

Здесь товарищ над павшим тужит

И целует его в уста.

Здесь священник в рясе дырявой

Умиленно поет псалом,

Здесь играют марш величавый

Над едва заметным холмом.

182. ВИДЕНИЕ

Лежал истомленный на ложе болезни

(Что горше, что тягостней ложа болезни?), И вдруг загорелись усталые очи, Он видит, он слышит в священном восторге — Выходят из мрака, выходят из ночи

Святой Пантелеймон и воин Георгий.

Вот речь начинает святой Пантелеймон

(Так сладко, когда говорит Пантелеймон) — “Бессонны твои покрасневшие вежды, Пылает и душит твое изголовье, Но я прикоснусь к тебе краем одежды

И в жилы пролью золотое здоровье”. —И другу вослед выступает Георгий

(Как трубы победы, вещает Георгий) — “От битв отрекаясь, ты жаждал спасенья, Но сильного слезы пред Богом неправы, И Бог не слышал твоего отреченья, Ты встанешь завтра, и встанешь для славы”. —И скрылись, как два исчезающих света

(Средь мрака ночного два яркие света), Растущего дня надвигается шорох, Вот солнце сверкнуло, и встал истомленный

С надменной улыбкой, с весельем во взорах

И с сердцем, открытым для жизни бездонной.

183. «Я вежлив с жизнью современною...»

Я вежлив с жизнью современною, Но между нами есть преграда,

Все, что смешит ее, надменную, Моя единая отрада.

Победа, слава, подвиг — бледные

Слова, затерянные ныне,

Гремят в душе, как громы медные, Как голос Господа в пустыне.

Всегда ненужно и непрошено

В мой дом спокойствие входило; Я клялся быть стрелою, брошенной

Рукой Немврода иль Ахилла.

Но нет, я не герой трагический, Я ироничнее и суше,

Я злюсь, как идол металлический

Среди фарфоровых игрушек.

Он помнит головы курчавые,

Склоненные к его подножью,

Жрецов молитвы величавые,

Грозу в лесах, объятых дрожью.

И видит, горестно-смеющийся,

Всегда недвижимые качели,

Где даме с грудью выдающейся

Пастух играет на свирели.

1913

184. «Какая странная нега...»

Какая странная нега

В ранних сумерках утра,

В таянью вешнего снега,

Во всем, что гибнет и мудро.

Золотоглазой ночью

Мы вместе читали Данта,

Сереброкудрой зимою

Нам снились розы Леванта.

Утром вставай, тоскуя,

Грусти и радуйся скупю,

Весной проси поцелуя

У женщины милой и глупой.

Цветы, что я рвал ребенком

В зеленом драконьем болоте,

Живые на стебле тонком,

О, где вы теперь цветете?

Ведь есть же мир лучезарней,

Что недоступен обидам

Краснощеких афинских ларней,

Хохотавших над Эврипидом.

185. «Я не прожил, я протомился...»

Я не прожил, я протомился

Половину жизни земной,

И, Господь, вот Ты мне явился

Невозможной такой мечтой.

Вижу свет на горе Фаворе

И безумно тоскую я,

Что влюбил и сушу и море,

Весь дремучий сон бытия;

Что моя молодая сила

Не смирилась перед Твоей,

Что так больно сердце томила

Красота Твоих дочерей.

Но любовь разве цветик алый,

Чтобы ей лишь мгновенье жить,

Но любовь разве пламень малый, Что ее легко погасить?

С этой тихой и грустной думой

Как-нибудь я жизнь дотяну,

А о будущей Ты подумай,

Я и так погубил одну.

186-190. СЧАСТИЕ

1.

Больные верят в розы майские,

И нежны сказки нищеты.

Заснув в тюрьме, виденья райские

Наверняка увидишь ты.

Но нет тревожней и заброшенной — Печали посреди шелков,

И я принцессе на горошине

Всю кровь мою отдать готов.

2.

— “Хочешь, горбун, поменяться

Своею судьбой с моей,

Хочешь шутить и смеяться,

Быть вольной птицей морей?” —

Он подозрительным взглядом

Смерил меня всего:

— “Уходи, не стой со мной рядом, Не хочу от тебя ничего!” —3.

У муки столько струн на лютне, У счастья нету ни одной,

Взлетевший в небо бесприютней, Чем опустившийся на дно.

И Заклинающий проказу,

Сказавший деве — талифа!..

... Ему дороже нищий Лазарь

Великолепного волхва.

4.

Ведь я не грешник, о Боже,

Не святотатец, не вор,

И я верю, верю, за что же

Тебя не видит мой взор?

Ах, я не живу в пустыне,

Я молод, весел, пою,

И Ты, я знаю, отринешь

Бедную душу мою!

5.

В мой самый лучший, светлый день, В тот день Христова Воскресенья, Мне вдруг примнилось искупленье, Какого я искал везде.

Мне вдруг почудилось, что, нем, Изранен, наг, лежу я в чаще,

И стал я плакать надо всем

Слезами радости кипящей.

191. ВОСЬМИСТИШЕ

Ни шороха полночных далей,

Ни песен, что певала мать,

Мы никогда не понимали

Того, что стоило понять.

И, символ горнего величья,

Как некий благостный завет,

Высокое косноязычье

Тебе даруется, поэт.

192. ДОЖДЬ

Сквозь дождем забрызганные стекла

Мир мне кажется рябым;

Я гляжу: ничто в нем не поблекло

И не сделалось чужим.

Только зелень стала чуть зловещей, Словно пролит купорос,

Но зато рисуется в ней резче

Круглый куст кровавых роз.

Капли в лужах плещутся размерней

И бормочут свой псалом,

Как монашенки в часы вечерни

Торопливым голоском.

Слава, слава небу в тучах черных!

То — река весною, где

Вместо рыб стволы деревьев горных

В мутной мечутся воде.

В гиблых омутах волшебных мельниц

Ржанье бешеных коней,

И душе, несчастнейшей из пленниц, Так и легче и вольней.

193. ВЕЧЕР

Как этот ветер грузен, не крылат!

С надтреснутою дыней схож закат.

И хочется подталкивать слегка

Катящиеся вяло облака.

В такие медленные вечера

Коней карьером гонят кучера,

Сильней веслом рвут воду рыбаки, Ожесточенней рубят лесники

Огромные, кудрявые дубы...

А те, кому доверены судьбы

Вселенского движения и в ком

Всех ритмов бывших и небывших дом, Слагают окрыленные стихи,

Расковыивая косный сон стихий.

194. ГЕНУЯ

В Генуе, в палаццо дождей

Есть старинные картины,

На которых странно схожи

С лебедями бригантины.

Возле них, сойдясь гурьбою,

Моряки и арматоры

Все ведут между собою

Вековые разговоры,

С блеском глаз, с усмешкой важной, Как живые, неживые...

От залива ветер влажный

Спутал бороды седые.

Миг один, и будет чудо;

Вот один из них, смелея,

Спросит: "Вы синьор, откуда,

Из Ливорно иль Пирея?

"Если будете в Брабанте,

Там мой брат торгует летом,

Отвезите бочку кьянти

От меня ему с приветом". —

195. КИТАЙСКАЯ ДЕВУШКА

Голубая беседка

Посредине реки,

Как плетеная клетка,

Где живут мотыльки.

И из этой беседки

Я смотрю на зарю,

Как качаются ветки,

Иногда я смотрю;

Как качаются ветки,

Как скользят челноки,

Огибая беседки

Посредине реки.

У меня же в темнице

Куст фарфоровых роз,

Металлической птицы

Блещет золотом хвост.

И, не веря в приманки,

Я пишу на шелку

Безмятежные танки

Про любовь я тоску.

Мой жених все влюбленной;

Пусть он лыс и устал,

Он недавно в Кантоне

Все экзамены сдал.

196. РАЙ

Апостол Петр, бери свои ключи, Достойный рай в дверь его стучит.

Коллоквиум с отцами церкви там

Покажет, что я в догматах был прям.

Георгий пусть поведаст о том,

Как в дни войны сражался я с врагом.

Святой Антоний может подтвердить, Что плоти я никак не мог смирить.

Но и святой Цецилии уста

Прошепчут, что душа моя чиста.

Мне часто снились райские сады, Среди ветвей румяные плоды,

Лучи и ангельские голоса,

Внемировой природы чудеса.

И знаешь ты, что утренние сны

Как предзнаменования нам даны.

Апостол Петр, ведь если я уйду

Отвергнутым, что делать мне в аду?

Моя любовь растопит адский лед, И адский огонь слеза моя зальет.

Перед тобою темный серафим

Появится ходатаем моим.

Не медли более, бери ключи,

Достойный рая в дверь его стучит.

197. ИСЛАМ

О. Н. Высотской.

В ночном кафе мы молча пили кьянти, Когда вошел, спросивши шерри-бренди, Высокий и сидящий эффенди,

Враг злейший христиан на всем Леванте.

И я ему заметил: — “Перестаньте, Мой друг, презрительного корчить дэнди, В тот час, когда, быть может, по легенде

В зеленый сумрак входит Дамаянти”. —Но он, ногою топнув, крикнул:

— “Бабы! Вы знаете ль, что черный камень Кабы

Поддельным признан был на той неделе?” —Потом вздохнул, задумавшись глубоко, И прошептал с печалью:

— “Мыши съели Три волоска из бороды Пророка”. —198. БОЛОНЬЯ

Нет воды вкуснее, чем в Романье, Нет прекрасней женщин, чем в Болонье, В лунной мгле разносятся признанья, От цветов струится благовонье.

Лишь фонарь идущего вельможи

На мгновенье выхватит из мрака

Между кружев розоватость кожи, Длинный ус, что крутит забияка.

И его скорей проносят мимо,

А любовь глядит и торжествует.

О, как пахнут волосы любимой,

Как дрожит она, когда целует.

Но вино, чем слаще, тем хмельнее, Дама, чем красивей, тем лукавей, Вот уже уходят ротозеи

В тишине мечтать о высшей славе.

И они придут, придут до света

С мудрой думой о Юстиниане

К темной двери университета,

Векового логовища знаний.

Старый доктор сгорблен в красной тоге, Он законов ищет в беззаконьи,

Но и он порой волочит ноги

По веселым улицам Болоньи.

199. СКАЗКА

Тэффи

На скале, у самого края,
Где река Елизабет, протекая,
Скалит камни, как зубы, был замок.
На его зубцы и бойницы
Прилетали тощие птицы,
Глухо каркали, предвещая.
А внизу, у самого склона,
Залегала берлога дракона,
Шестиногого, с рыжей шерстью.
Сам хозяин был черен, как в дегте, У него были длинные когти,
Гибкий хвост под плащом он прятал.
Жил он скромно, хотя не медведем, И известно было соседям,
Что он просто-напросто дьявол.
Но соседи его были тоже
Подозрительной масти и кожи,
Ворон, оборотень и гиена.
Собирались они и до света
Выли у реки Елизабета,
А потом в домино играли.
И так быстро летело время,
Что простое крапивное семя
Успевало взойти крапивой.
Это было еще до Адама,
В небесах жил не Бог, а Брама, И на все он смотрел сквозь пальцы.
Жить да жить бы им без печали!
Но однажды в ночь переспали
Вместе оборотень и гиена.
И родился у них ребенок,
Не то птица, не то котенок,
Он радушно был взят в компанью.
Вот собрались они как обычно
И, повыв над рекой отлично,
Как всегда, за игру засели.
И играли, играли, играли,
Как играть приходилось едва ли
Им, до одури, до одышки.
Только выиграл все ребенок:

И бездонный пивной боченок,

И поля, и угодя, и замок.

Закричал, раздувшись как груда: “Уходите вы все отсюда,

Я ни с кем не стану делиться!

“Только добрую, старую маму

Посажу я в ту самую яму,

Где была берлога дракона”. —

Вечером по берегу Елизабета

Ехала черная карета,

А в карете сидел старый дьявол.

Позади тащились другие,

Озабоченные, больные,

Глухо кашляя, подвывая.

Кто храбрился, кто ныл, кто сердился...

А тогда уж Адам родился,

Бог спаси Адама и Еву!

200. НЕАПОЛЬ

Как эмаль, сверкает море,

И багряные закаты

На готическом соборе,

Словно гарпии, крылаты;

Но какой античной грязью

Полон город, и не вдруг

К золотому безобразью

Нас приучит буйный юг.

Пахнет рыбой и лимоном,

И духами парижанки,

Что под зонтиком зеленым

И несет креветок в банке;

А за кучею навоза

Два косматых старика

Режут хлеб... Сальватор Роза

Их провидел сквозь века.

Здесь не жарко, с моря веют

Белобрысые туманы,

Все хотят и все не смеют

Выйти в полночь на поляны,

Где седые, грозовые

Скалы высятся венцом,

Где засела малярия

С желтым бешеным лицом.

И, как птица с трубкой в клюве, Поднимает острый гребень,

Сладко нежится Везувий,

Расплескавшись в сонном небе.

Бьются облачные кони,

Поднимаясь на зенит,

Но, как истый лаццарони,

Все дымит он и храпит.

201. СТАРАЯ ДЕВА

Жизнь печальна, жизнь пустынна, И не сжалится никто;

Те же вазочки в гостиной,

Те же рамки и плато.

Томик пыльный, томик серый

Я беру, тоску кляня,

Но и в книгах кавалеры

Влюблены, да не в меня.

А меня совсем иною

Отражают зеркала:

Я наяда под луною

В зыби водного стекла.

В глубине средневековья

Я принцесса, что, дрожа,

Принимает славословья

От красивого пажа.

Иль на празднике Версаля

В час, когда заснет земля,

Взоры юношей печалю,

Я пленяю короля.

Иль влюблен в мои романы

Весь парижский полусвет

Так, что мне слагает стансы

С львиной гривою поэт.

Выйду замуж, буду дамой,

Злой и верною женой,
Но мечте моей упрямой
Никогда не стать иной.
И зато за мной, усталой,
Смерть прискачет на коне,
Словно рыцарь, с розой алой
На чешуйчатой броне.

202. ПОЧТОВЫЙ ЧИНОВНИК

Ушла... Завяли ветки
Сирени голубой,
И даже чижик в клетке
Заплакал надо мной.
Что пользы, глупый чижик,
Что пользы нам грустить,
Она теперь в Париже,
В Берлине, может быть.
Страшнее страшных пугал
Красивым честный путь,
И нам в наш тихий угол
Беглянки не вернуть.
От Знаменья псаломщик
В цилиндре на боку,
Большой, костлявый, тощий,
Зайдет попить чайку.
На днях его подруга
Ушла в веселый дом,
И мы теперь друг друга
Наверное пойдем.
Мы ничего не знаем,
Ни как, ни почему,
Весь мир необитаем,
Неясен он уму.
А песню вырвет мука,
Так старая она:
— “Разлука ты, разлука,
Чужая сторона!”

203. БОЛЬНОЙ

В моем бреду одна меня томит

Каких-то острых линий бесконечность, И непрерывно колокол звонит,

Как бой часов отзванивал бы вечность.

Мне кажется, что после смерти так

С мучительной надеждой воскресенья

Глаза вперяются в окрестный мрак, Ища давно знакомые виденья.

Но в океане первозданной мглы

Нет голосов, и нет травы зеленой, А только кубы, ромбы, да углы, Да злые, нескончаемые звоны.

О, хоть бы сон настиг меня скорей!

Уйти бы, как на праздник примиренья, На желтые пески седых морей,

Считать большие, бурые каменя.

204. ОДА Д'АННУНЦИО

К его выступлению в Генуе.

Опять волчица на столбе

Рычит в огне багряных светов...

Судьба Италии — в судьбе

Ее торжественных поэтов.

Был Августов высокий век,

И золотые строки были:

Спокойней величавых рек

С ней разговаривал Вергилий.

Был век печали; и тогда,

Как враг в ее стучался двери,

Бежал от мирного труда

Изгнанник бледный, Алитьери.

Униженная до конца,

Страна, веселием объята,

Короновала мертвеца

В короновании Торквата.

И в дни прекраснейшей войны,

Которой кланяюсь я земно,

К которой завистью полны

И Александр и Агамемнон,

Когда все лучшее, что в нас

Таилось скупо и сурово,
Вся сила духа, доблесть рас,
Свои разрушило оковы —
Слова: “Встает великий Рим,
Берите ружья, дети горя...”
— Грозней громов; внимая им,
Толпа взволнованнее моря.
А море синей пеленой
Легло вокруг, как мощь и слава
Италии, как щит святой
Ее стариннейшего права.
А горы стынут в небесах,
Загадочны и незнакомы,
Там зреют молнии в лесах,
Там чутко притаились громы.
И, конь встающий на дыбы,
Народ поверил в правду света,
Вручая страшные судьбы
Рукам изнеженным поэта.
И все поют, поют стихи
О том, что вольные народы
Живут, как образы стихий,
Ветра, и пламени, и воды.

Путь конквистадоров

Я стал кочевником, чтобы сладострастно прикасаться ко всему, что кочует!

Андре Жид

1. «Я конквистадор в панцире железном...»

Я конквистадор в панцире железном, Я весело преследую звезду,

Я прохожу по пропастям и безднам

И отдыхаю в радостном саду.

Как смутно в небе диком и беззвездном!

Растет туман... но я молчу и жду

И верю, я любовь свою найду...

Я конквистадор в панцире железном.

И если нет полдневных слов звездам, Тогда я сам мечту свою создам

И песней битв любовно зачарую.

Я пропастям и бурям вечный брат, Но я вплету в воинственный наряд

Звезду долин, лилею голубую.

МЕЧИ И ПОЦЕЛУИ

Я знаю, что ночи любви нам даны

И яркие, жаркие дни для войны.

Н. Гумилев.

2. «С тобой я буду до зари...»

С тобой я буду до зари,

На утро я уйду

Искать, где спрятались цари,

Лобзавшие звезду.

У тех царей лазурный сон

Заткал лучистый взор;

Они — заснувший небосклон

Над мраморностью гор.

Сверкают в золоте лучей

Их мантий багрецы,

И на седилах их кудрей

Алмазные венцы.

И их мечи вокруг лежат

В камнях дорогих,

Их чутко гномы сторожат

И не уйдут от них.

Но я прийду с мечом своим;

Владеет им не гном!

Я буду вихрем грозовым,

И громом и огнем!

Я тайны выпытаю их,

Все тайны дивных снов,

И заключу в короткий стих,

В оправу звонких слов.

Промчится день, зажжет закат,

Природа будет храм,

И я прийду, прийду назад,

К отворенным дверям.

С тобою встретим мы зарю,
На утро я уйду,
И на прощанье подарю
Добытую звезду.

3. ПЕСНЬ ЗАРАТУСТРЫ

Юные, светлые братья
Силы, восторга, мечты,
Вам раскрываю объятия,
Сын голубой высоты.
Тени, кресты и могилы
Скрылись в загадочной мгле,
Свет воскресающей силы
Властно царит на земле.
Кольца роскошные мчатся,
Ярок восторг высоты;
Будем мы вечно встречаться
В вечном блаженстве мечты.
Жаркое сердце поэта
Блещет, как звонкая сталь.
Горе, не знающим света!
Горе, обнявшим печаль!

4. CREDO

Откуда я пришел, не знаю...

Не знаю я, куда уйду,

Когда победно отблистаю

В моем сверкающем саду.

Когда исполнюсь красотой,

Когда наскучу лаской роз,

Когда запросится к покою

Душа, усталая от грез.

Но я живу, как пляска теней

В предсмертный час большого дня, Я полон тайною мгновений

И красной чарою огня.

Мне все открыто в этом мире —

И ночи тень, и солнца свет,

И в торжествующем эфире

Мерцанье ласковых планет.

Я не ищу больного знанья

Зачем, откуда я иду;

Я знаю, было там сверканье

Звезды, лобзающей звезду,

Я знаю, там звенело пенье

Перед престолом красоты,

Когда сплетались, как виденья, Святые белые цветы.

И жарким сердцем веря чуду,

Поняв воздушный небосклон,

В каких пределах я ни буду,

На все наброшу я свой сон.

Всегда живой, всегда могучий,

Влюбленный в чары красоты.

И вспыхнет радуга созвучий

Над царством вечной пустоты.

5. ГРЕЗА НОЧНАЯ И ТЕМНАЯ

На небе сходились тяжелые, грозные тучи, Меж них багровела луна, как смертельная рана, Зеленого Эрина воин, Кухулин могучий

Упал под мечем короля океана, Сварана.

И волны шептали сибиллы седой заклинанья, Шатались деревья от песен могучего вала, И встретил Сваран исступленный в грозе ликованья, Героя героев, владыку пустыни, Фингала.

Друг друга сжимая в объятьях, сверкая доспехом, Они начинают безумную, дикую пляску, И ветер приветствует битву рыдающим

смехом, И море грохочет свою вековечную сказку.

Когда я устану от ласковых, нежных объятий, Когда я устану от мыслей и слов повседневных — Я слышу, как воздух трепещет от гнева проклятий, Я вижу на холме героев, могучих и гневных.

6. ПЕСНЯ О ПЕВЦЕ И КОРОЛЕ

Мой замок стоит на утесе крутом

В далеких, туманных горах,

Его я воздвигнул во мраке ночном, С проклятьем на бледных устах.

В том замке высоком никто не живет, Лишь я его гордый король,

Да ночью спускается с диких высот

Жестокий, насмешливый тролль.

На дальнем утесе, труслив и смешон, Он держит коварную речь,

Но чует, что меч для него припасен, Не знающий жалости меч.

Однажды сидел я в порфире златой, Горел мой алмазный венец — И в дверь постучался певец молодой, Бездомный, бродячий певец.

Для всех, кто отвагой и силой богат, Отворены двери дворца;

В пурпуровой зале я слушать был рад

Безумные речи певца.

С красивую арфой он стал недвижим, Он звякнул дрожащей струной,

И дико промчалась по залам моим

Гармония песни больной.

“Я шел один в ночи беззвездной

В горах с уступа на уступ

И увидал над мрачной бездной,

Как мрамор белый, женский труп.

“Влачились змеи по уступам,

Угрюмый рос чертополох,

И над красивым женским трупом

Бродил безумный скоморох.

“И смерти дивный сон тревожа,

Он бубен потрясал в руке,

Над миром девственного ложа

Плясал в дурацком колпаке.

“Едва звенели колокольца,

Не отдаваясь в горах,

Дешевые сверкали кольца

На узких, сморщенных руках.

“Он хохотал, смешной, беззубый, Скача по сумрачным холмам,

И прижимал больные губы

К холодным, девичьим губам.

“И я ушел, унес вопросы,

Смущая ими божество,

Но выше этого утеса

Не видел в мире ничего”.

Я долее слушать безумца не мог, Я поднял сверкающий меч,

Певцу подарил я кровавый цветок

В награду за дерзкую речь.

Цветок зазиял на высокой груди, Красиво горящий багрец...

“Безумный певец, ты мне страшен, уйди”.

Но мертвенно бледен певец.

Порвалися струны, протяжно звеня, Как арфу его я разбил

За то, что он плакать заставил меня, Властителя гордых могил.

Как прежде в туманах не видно луча, Как прежде скитается тролль,

Он бедный не знает, бояся меча, Что властный рыдает король.

Попрежнему тих одинокий дворец, В нем трое, в нем трое всего:

Печальный король и убитый певец

И дикая песня его.

7. РАССКАЗ ДЕВУШКИ

В вечерний час горят огни...

Мы этот час из всех приметим,

Господь, сойди к молящим детям

И злые чары отгони!

Я отдыхала у ворот

Под тенью милой, старой ели,

А надо мною пламенели

Снега неведомых высот.

И в этот миг с далеких гор

Ко мне спустился странник дивный, В меня вперил он взор призывный, Могучей негой полный взор.

И пел красивый чародей:

“Пойдем со мною на высоты,

Где кроют мраморные гроты

Огнем увенчанных людей.

“Их очи дивно глубоки,

Они прекрасны и воздушны,

И духи неба так послушны

Прикосновеньям их руки.

“Мы в их обители войдем

При звуках светлого напева

И там ты будешь королевой,

Как я могучим королем.

“О, пусть ужасен голос бурь,

И страшны лики темных впадин,

Но горный воздух так прохладен

И так пленительна лазурь”.

И эта песня жгла мечты,

Дарила волею мгновенья

И наряжала сновиденья

В такие яркие цветы.

Но тих был взгляд моих очей,

И сердце, ждущее спокойно,

Могло ль прельститься цепью стройной, Светло-чарующих речей.

И дивный странник отошел,

Померкнул в солнечном сияньи,

Но внятно — тяжкое рыданье

Мне повторял смущенный дол.

В вечерний час горят огни ...

Мы этот час из всех приметим,

Господь, сойди к молящим детям

И злые чары отгони.

ПОЭМЫ

Правду мы возьмем у Бога

Силой огненных мечей.

Н. Гумилев

8. ДЕВА СОЛНЦА

Марианне Дмитриевне Поляковой

I.

Могучий царь суров и гневен,

Его лицо мрачно, как ночь,

Толпа испуганных царевен

Бежит в немом смятеньи прочь.

Вокруг него сверкает золото,

Алмазы, пурпур и багрец,

И краски алого заката

Румянят мраморный дворец.

Он держит речь в высокой зале

Толпе разряженных льстецов,

В его глазах сверканье стали,

А в речи гул морских валов.

Он говорит: "Еще ребенком

В глуши окрестных деревень

Я пеньем радостным и звонким

Встречал веселый, юный день.

Я пел и солнцу и лазури,

Я плакал в ужасе глухом,

Когда безрадостные бури

Царили в небе голубом.

Явилась юность — праздник мира, В моей груди кипела кровь

И в блеске солнечного пира

Я увидал мою любовь.

Она во сне ко мне слетала,

И наклонялася ко мне,

И речи дивные шептала

О золотом, лазурном дне.

Она вперед меня манила,

Роняла белые цветы,

Она мне двери отворила

К восторгам сладостной мечты.

И чтобы стать ее достойным,

Вкусить божественной любви,

Я поднял меч к великим войнам, Я плавал в золоте и крови.

Я стал властителем вселенной,

Я Божий бич, я Божий глас,

Я царь жестокий и надменный,

Но лишь для вас, о лишь для вас.

А для нее я тот же страстный

Любовник вечно молодой,

Я тихий гимн луны, согласной

С бесстрастно блещущей звездой.

Рабы, найдите Деву Солнца

И приведите мне, царю,

И все дворцы, и все червонцы,

И земли все я вам дарю”.

Он замолчал и все мнутятся,

И отплывают корабли,

И слуги верные несутся,

Спешат во все концы земли.

II.

И солнц и лун прошло так много, Печальный царь томяся ждет,

Он жадно смотрит на дорогу,

Склонясь у каменных ворот.

Однажды солнце догорало

И тихо теплились лучи,

Как песни вышнего хорала,

Как рати ангельской мечи.

Гонец примчался запыленный,

За ним сейчас еще другой,

И царь, горящий и влюбленный,

С надеждой смотрит пред собой.

Как звуки райского напева,

Он ловит быстрые слова,

“Она живет, святая дева ...

О ней уже гремит молва ...

Она пришла к твоим владеньям,

Она теперь у этих стен,

Ее народ встречает пеньем

И преклонением колен.

И царь навстречу деве мчится,

Охвачен страстною мечтой,

Но вьется траурная птица

Над венценосной головой.

Он видит деву, блеск огнистый

В его очах пред ней потух,

Пред ней, такой невинной, чистой, Стыдливо — трепетной, как дух.

Лазурных глаз не потупляя,

Она идет, сомкнув уста,
Как дева пламенного рая,
Как солнца юная мечта.
Одежды легкие, простые
Покрыли матовость плечей,
И нежит кудри золотые
Венок из солнечных лучей.
Она идет стопой воздушной,
Глаза безмерно глубоки,
Она вплетает простодушно
В венок степные васильки.
Она не внимлет гласу бури,
Она покинула дворцы,
Пред ней рассыпались в лазури
Степных закатов багрецы.
Ее душа мечтой согрета,
Лазурность манит впереди,
И волны ласкового света
В ее колышутся груди.
Она идет перед народом,
Она скрывается вдали,
Так солнце клонит лик свой к водам, Забыв о горестях земли.
И гордый царь опять остался
Безмолвно — бледен и один,
И кто-то весело смеялся,
Бездонной радостью глубин.
Но глянул царь орлиным оком,
И издал он могучий глас,
И кровь пролилася потоком,
И смерть как буря пронеслась.
Он как гроза, он гордо губит
В палящем зареве мечты,
За то, что он безмерно любит
Безумно-белые цветы.
Но дремлет мир в молчаньи строгом, Он знает правду, знает сны,
И Смерть, и Кровь даны нам Богом
Для оттененья Белизны.

9. ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Осенней неги поцелуй

Горел в лесах звездой алой

И песнь прозрачно-звонких струй

Казалась тихой и усталой.

С деревьев падал лист сухой,

То бледно-желтый, то багряный, Печально плача над землей

Среди росистого тумана.

И солнце пышное вдали

Мечтало снами изобилья

И целовало лик земли

В истоме сладкого бессилья.

А вечерами в небесах

Горели алые одежды

И, обагранные, в слезах,

Рыдали Голуби Надежды.

Летя в безмирной красоте,

Сердца к далекому манили

И создали в высоте,

Венки воздушно-белых лилий.

И осень та была полна

Словами жгучего напева,

Как плодоносная жена,

Как прародительница Ева.

х х х

В лесу, где часто по кустам

Резвились юные дриады,

Стоял безмолвно-строгий храм,

Маня покоем колоннады.

И белый мрамор говорил

О царстве Вечного Молчанья

И о полете гордых крыл,

Неверно-тяжких, как рыданье.

А над высоким алтарем

В часы полуночных видений

Сходились, тихие, вдвоем

Две золотые девы-тени.

В объятьях ночи голубой,

Как розы радости мгновенны,
Они шептались меж собой
О тайнах Бога и вселенной.
Но миг, и шепот замолкал,
Как звуки тихого аккорда,
И белый мрамор вновь сверкал
Один, задумчиво и гордо.
И иногда, когда с небес
Слетит вечерняя прохлада,
Покинув луг, цветы и лес,
Шалила юная дриада.
Входила тихо, вся дрожа,
Залита сумраком багряным,
Свой белый пальчик прилож
К устам душистым и румяным.
На пол, горячий от луча,
Бросала пурпурную розу
И убегала, хохоча,
Любя свою земную грезу.
Ее влечет ее стезя
Лесного, радостного пенья,
А в этом храме быть нельзя
Детям греха и наслажденья.
И долго роза на полу
Горела пурпурным сияньем
И наполняла полумглу
Сребристо-горестным рыданьем.
Когда же мир, восстав от сна,
Сверкал улыбкою кристалла,
Она, печальна и одна,
В безмолвном храме умирала.
x x x
Когда ж вечерняя заря
На темном небе угасает
И на ступени алтаря
Последний алый луч бросает,
Пред ним склоняется одна,
Одна, желавшая напева

Или печальная жена,

Или обманутая дева.

Кто знает мрак души людской,

Ее восторги и печали?

Они эмалью голубой

От нас закрытые скрижали.

Кто объяснит нам, почему

У той жены всегда печальной

Глаза являют полутьму,

Хотя и кроют отблеск дальний?

Зачем высокое чело

Дрожит морщинами сомненья,

И меж бровями залегло

Веков тяжелое томленье?

И улыбаются уста

Зачем загадочно и зыбко?

И страстно требует мечта,

Чтоб этой не было улыбки?

Зачем в ней столько тихих чар?

Зачем в очах огонь пожара?

Она для нас больной кошмар,

Иль правда, горестней кошмара.

Зачем, в отчаяньи мечты,

Она склонилась на ступени?

Что надо ей от высоты

И от воздушно-белой тени?

Не знаем! Мрак ночной глубок,

Мечта — пожар, мгновенья — стоны; Когда ж забрежжется восток

Лучами жизни обновленной?

х х х

Едва трепещет тишина,

Смеясь эфирным синим волнам,

Глядит печальная жена

В молчаньи строгом и безмолвном.

Небес далеких синева

Твердит неясные упреки,

В ее душе зажглись слова

И манят огненные строки.

Они звенят, они поют

Так заклинательно и строго:

“Душе измученной приют

В чертогах Радостного Бога;

“Но Дня Великого покров

Не для твоих бессильных крылий, Ты вся пока во власти снов,

Во власти тягостных усилий.

“Ночная, темная пора

Тебе дарит свою усладу

И в ней живет твоя сестра,

Беспечно-юная дриада.

“И ты еще так любишь смех

Земного, алого покрова

И ты вплетаешь яркий грех

В гирлянды неба голубого.

“Но если ты желаешь дня

И любишь лучшую отраду,

Отдай объятиям огня

Твою сестру, твою дриаду.

“И пусть она сгорит в тебе

Могучим, радостным гореньем,

Молясь всевидящей судьбе,

Ее покорствуя веленьям.

“И будет твой услышан зов,

Мольба не явится бесплодной,

Уйдя от радости лесов,

Ты будешь божески — свободной”.

И душу те слова зажгли,

Горели огненные стрелы

И алый свет и свет земли

Предстал, как свет воздушно-белый

Песня Дриады

Я люблю тебя, принц огня,

Так восторженно, так маняще,

Ты зовешь, ты зовешь меня

Из лесной, полуночной чащи.

Хоть в ней сны золотых цветов

И рассказы подруг приветных,
Но ты знаешь так много слов,
Слов любовных и беззаветных.
Как горит твой алый камзол,
Как сверкают милые очи,
Я покину родимый дол,
Я уйду от лобзаний ночи.

Так давно я ищу тебя
И ко мне ты стремишься тоже,
Золотая звезда, любя,
Из лучей нам постелет ложе.
Ты возьмешь в объятия меня
И тебя, тебя обниму я,
Я люблю тебя, принц огня,
Я хочу и жду поцелуя.

x x x

Цветы поют свой гимн лесной,
Детям и ласточкам знакомый,
И под развесистой сосной
Танцуют маленькие гномы.
Горит янтарная смола,
Лесной дворец светло пылает
И голубая полумгла
Вокруг, как бабочка, порхает.
Жених, как радостный костер,
Горит могучий и прекрасный,
Его сверкает гордый взор,
Его камзол пылает красный.

Цветы пурпурные звенят:
“Давайте места, больше места,
Она идет, краса дриад,
Стыдливо-белая невеста.
Она, прекрасна и тиха,
Не внемля радостному пенью,
Идет в объятия жениха
В любовно-трепетном томленьи.
От взора ласковых цветов

Их скрыла алая завеса,
Довольно песен, грез и снов
Среди лазоревого леса.
Он совершен, великий брак,
Безумный крик всемирных оргий!
Пускай леса оденет мрак,
В них было счастье и восторги.

х х х

Да, много, много было снов
И струн восторженно звенящих
Среди таинственных лесов,
В их голубых, веселых чащах.
Теперь открылися миры
Жене божественно-надменной,
Взамен угаснувшей сестры
Она узнала сон вселенной.
И в солнца ткань облечена,
Она великая святыня,
Она не бледная жена,
Но венценосная богиня.
В эфире радостном блестя,
Катятся волны мировые,
А в храме Белое Дитя
Творит святую литургию.
И Белый Всадник кинул клик,
Скача порывисто — безумно,
Что миг настал, великий миг,
Восторг предмирный и бездумный.
Уж звон копыт затих вдали,
Но вечно — радостно мгновенье!
И нет дриады, сна земли,
Пред ярким часом пробужденья.

10. СКАЗКА О КОРОЛЯХ

“Мы прекрасны и могучи,
Молодые короли,
Мы парим, как в небе тучи,
Над миражами земли.
В вечных песнях, в вечном танце

Мы воздвигнем новый храм.

Пусть пьянящие багрянцы

Точно окна будут нам.

Окна в Вечность, в лучезарность, К берегам Святой Реки,

А за нами пусть Кошмарность

Создает свои венки.

“Пусть терзают иглы терний

Лишь усталое чело,

Только солнце в час вечерний

Наши кудри греть могло.

“Ночью пасмурной и мгlistой

Сердца чуткого не мучь;

Грозовой, иль золотистой

Будь же тучей между туч.

х х х

Так сказал один влюбленный

В песни солнца, в счастье мира, Лучезарный, как колонны

Просветленного эфира,

Словом вещим, многодумным

Пытку сердца успокоив,

Но смеялись над безумным

Стены старые покоев.

Сумрак комнат издевался,

Бледно-серый и угрюмый,

Но другой король поднялся

С новым словом, с новой думой.

Его голос был так страстен,

Столько снов жило во взоре,

Он был трепетен и властен,

Как стихающее море.

Он сказал: “Индийских тканей

Не постигнуты узоры,

В них несдержанность желаний,

Нам неведомые взоры.

“Бледный лотус под луною

На болоте, мглой одетом,

Дышет тайною одною

С нашим цветом, с белым цветом.

И в безумствах теокалли

Что-то слышится иное.

Жизнь без счастья, без печали

И без бледного покоя.

“Кто узнает, что томится

За пределом наших знаний

И, как бледная царица,

Ждет мучений и лобзаний”.

x x x

Мрачный всадник примчался на черном коне, Он закутан был в бархатный плащ

Его взор был ужасен, как город в огне, И как молния ночью, блестящ

Его кудри как змеи вились по плечам, Его голос был песней огня и земли, Он балладу пропел молодым королям, И балладе внимали, смутясь, короли.

x x x

“Пять могучих коней мне дарил Люцифер

И одно золотое с рубином кольцо, Я увидел бездонность подземных пещер

И роскошных долин молодое лицо.

“Принесли мне вина — струевого огня

Фея гор и властительно — пурпурный Гном, Я увидел, что солнце зажглось для меня, Просияв, как рубин на кольце золотом.

“И я понял восторг созидаемых дней, Расцветающий гимн мирового жреца, Я смеялся порывам могучих коней

И игре моего золотого кольца.

“Там, на высях сознанья — безумье и снег.

Но восторг мой прожег голубой небосклон, Я на выси сознанья направил свой бег

И увидел там деву, больную, как сон.

“Ее голос был тихим дрожаньем струны, В ее взорах сплетались ответ и вопрос, И я отдал кольцо этой деве Луны

За неверный оттенок разбросанных кос.

“И смеясь надо мной, презирая меня, Мои взоры одел Люцифер в полутьму, Люцифер подарил мне шестого коня

И Отчаянье было названье ему”.

x x x

Голос тягостной печали,

Песней горя и земли,

Прозвучал в высоком зале,

Где стояли короли.

И холодные колонны

Неподвижностью своей

Оттеняли взор смущенный,

Вид угрюмых королей.

Но они вскричали вместе,
Облегчив больную грудь:
“Путь к Неведомой Невесте
Наш единый верный путь.
“Полны влагой наши чаши,
Так осушим их до дна,
Дева Мира будет нашей,
Нашей быть она должна!
“Сдернем с радостной скрижали
Серый, мертвенный покров,
И раскрывшиеся дали
Нам расскажут правду снов.
“Это верная дорога,
Мир иль наш, или ничей,
Правду мы возьмем у Бога
Силой огненных мечей”.
По дороге их владений
Раздается звук трубы,
Голос царских наслаждений,
Голос славы и борьбы.
Их мечи из лучшей стали,
Их щиты, как серебро,
И у каждого в забрале
Лебединое перо.
Все, надеждою крылаты,
Покидают отчий дом,
Провожает их горбатый,
Старый, верный мажордом.
Верны сладостной приманке,
Они едут на закат,
И смущаясь поселянки
Долго им вослед глядят,
Видя только панцырь белый,
Звонкий, словно лепет струй,
И рукою загорелой
Посылают поцелуй.

х х х

По обрывам пройдет только смелый...

Они встретили Деву Земли,

Но она их любить не хотела,

Хоть и были они короли.

Хоть безумно они умоляли,

Но она их любить не могла,

Голубеющим счастьем печали

Молодых королей прокляла.

И больные, плакучие ивы

Их окутали тенью своей,

В той стране, безнадежно-счастливой, Без восторгов и снов и лучей.

И венки им сплетали русалки

Из фиалок и лилий морских,

И, смеясь, надевали фиалки

На склоненные головы их.

Ни один не вернулся из битвы...

Развалился прадедовский дом,

Где так часто святые молитвы

Повторял их горбун мажордом.

х х х

Краски алого заката

Гасли в сумрачном лесу,

Где измученный горбатый

За слезой ронял слезу.

Над покинутым колодцем

Он шептал свои слова,

И бесстыдно над уродцем

Насмехалася сова:

“Горе! Умерли русалки,

Удалились короли,

Я, беспомощный и жалкий,

Стал властителем земли.

Прежде я беспечно прыгал,

Царский я любил чертог,

А теперь сосновых игол

На меня надет венок.

А теперь в моем чертоге

Так пустынно ввечеру;

Страшно в мире... страшно, боги...

Помогите... я умру..."

Над покинутым колодцем

Он шептал свои слова,

И бесстыдно над уродцем

Насмехалась сова.

ВЫСОТЫ И БЕЗДНЫ

Кто знает мрак души людской,

Ее восторги и печали?!

Они эмалью голубой

От нас сокрытые скрижали.

Н. Гумилев

11. «Когда из темной бездны жизни...»

Когда из темной бездны жизни

Мой гордый дух летел, прозрев, Звучал на похоронной тризне

Печально-сладостный напев.

И в звуках этого напева,

На мраморный склоняясь гроб,

Лобзали горестные девы

Мои уста и бледный лоб.

И я из светлого эфира,

Припомнив радости свои,

Опять вернулся в грани мира

На зов тоскующей любви.

И я раскинулся цветами,

Прозрачным блеском звонких струй, Чтоб ароматными устами

Земным вернуть их поцелуй.

12. ЛЮДЯМ НАСТОЯЩЕГО

Для чего мы не означим

Наших дум горячей дрожью,

Наполняем воздух плачем,

Снами, смешанными с ложью.

Для того-ль, чтоб бесполезно,

Без блаженства, без печали

Между Временем и Бездной

Начертить свои спирали.

Для того-ли, чтоб во мраке,

Полном снов и избытья,

Бросить тягостные знаки

Утомленья и бессилья.

И когда сойдутся в храме

Сонмы радостных видений,

Быть тяжелыми камнями

Для грядущих поколений;

13. ЛЮДЯМ БУДУЩЕГО

Издавна люди уважали

Одно старинное звено,

На их написано скрижали:

Любовь и Жизнь — одно.

Но вы не люди, вы живете,

Стрелой мечты вонзаясь в твердь, Вы слейте в радостном полете

Любовь и Смерть.

Издавна люди говорили,

Что все они рабы земли

И что они, созданья пыли,

Родились и умрут в пыли.

Но ваша светлая беспечность

Зажглась безумным пеньем лир,

Невестой вашей будет Вечность, А храмом — мир.

Все люди верили глубоко,

Что надо жить, любить щутя,

И что жена — дитя порока,

Стократ нечистое дитя.

Но вам бегущие годы

Несли иной нездешний звук

И вы возьмете на Вершины

Своих подруг.

14. ПРОРОКИ

И ныне есть еще пророки,
Хотя упали алтари,
Их очи ясны и глубоки
Грядущим пламенем зари.
Но им так чужд призыв победный, Их давит власть бездонных слов, Они запуганы и бледны
В громадах каменных домов.
И иногда в печали бурной,
Пророк, не признанный у нас,
Подъемлет к небу взор лазурный
Своих лучистых, ясных глаз.
Он говорит, что он безумный,
Но что душа его свята,
Что он, в печали многодумной,
Увидел светлый лик Христа.
Мечты Господни многооки,
Рука Дающего щедра,
И есть еще, как он, пророки —
Святые рыцари добра.
Он говорит, что мир не страшен, Что он Зари Грядущей князь...
Но только духи темных башен
Те речи слушают, смеясь.

15. РУСАЛКА

На русалке горит ожерелье
И рубины греховно — красны,
Это странно-печальные сны
Мирового, больного похмелья.
На русалке горит ожерелье
И рубины греховно — красны.
У русалки мерцающий взгляд,
Умиравший взгляд полуночи,
Он блестит, то длинней, то короче, Когда ветры морские кричат.
У русалки чарующий взгляд,
У русалки печальные очи.
Я люблю ее, деву-ундину,
Озаренную тайной ночной,
Я люблю ее взгляд заревой
И горящие негой рубины...

Потому что я сам из пучины,

Из бездонной пучины морской.

16. НА МОТИВЫ ГРИГА

Кричит победно морская птица

Над вольной зыбью волны фиорда, К каким пределам она стремится?

О чем ликует она так гордо?

Холодный ветер, седая сага

Так властно смотрят из звонкой песни, И в лунной грезе морская влага

Еще прозрачней, еще чудесней.

Родятся замки из грезы лунной, В высоких замках тоскуют девы, Златые арфы так многострунны,

И так маняще звучат напевы.

Но дальше песня меня уносит,

Я всей вселенной увижу звенья, Мое стремленье иного просит,

Иных жемчужин, иных каменьев.

Я вижу праздник веселый, шумный, В густых дубравах ликует эхо,

И ты проходишь мечтой бездумной, Звеня восторгом, пылая смехом.

А на высотах, столь совершенных, Где чистых лилий сверкают слезы, Я вижу страстных среди блаженных, На горном снеге алеют розы.

И где-то светит мне образ бледный, Всегда печальный, всегда безмолвный...

... Но только чайка кричит победно

И гордо плещут седые волны.

17. ОСЕНЬ

По узкой тропинке

Я шел, упоенный мечтою своей,

И в каждой былинке

Горело сияние чьих-то очей.

Сплетались травы

И медленно пели и млели цветы, Дыханьем отравы

Зеленой, осенней светло залиты.

И в счастье обмана

Последних холодных и властных лучей

Звенел хохот Пана

И слышался говор нездешних речей.

И девы-дриады,

С кристаллами слез о лазурной весне, Вкусили отраду,

Забывшись в осеннем, божественном сне.

Я знаю измену,
Сегодня я Пана ликующий брат,
А завтра одену
Из снежных цветов прихотливый наряд.
И грусть ледяная
Расскажет утихшим волненьем в крови
О счастье без рая,
Глазах без улыбки и снах без любви.

18. «Иногда я бываю печален...»

Иногда я бываю печален,
Я забытый, покинутый бог,
Созидающий, в груди развалин
Старых храмов, грядущий чертог.
Трудно храмы воздвигнуть из пепла, И бескровные шепчут уста,
Не навек-ли сгорела, ослепла
Вековая, Святая Мечта.
И тогда надо мною, неясно,
Где-то там в высоте голубой,
Чей-то голос порывисто-страстный
Говорит о борьбе мировой.
“Брат усталый и бледный, трудися!
Принеси себя в жертву земле,
Если хочешь, чтоб горные выси
Загорелись в полуночной мгле.
Если хочешь ты яркие дали
Развернуть пред больными людьми, Дни безмолвной и жгучей печали
В свое мощное сердце возьми.
Жертвой будь голубой, предрассветной.
В темных безднах беззвучно сгори...
... И ты будешь Звездой Обетной, Возвещающей близость зари.

19. «По стенам опустевшего дома...»

По стенам опустевшего дома
Пробегают холодные тени,
И рыдают бессильные гномы
В тишине своих новых владений.
По стенам, по столам, по буфетам

Все могли-бы их видеть воочью, Их, оставленных ласковым светом, Окруженных безрадостной ночью.

Их больные и слабые тельца

Трепетали в тоске и истоме,

С той поры, как не стало владельца

В этом прежде-смеявшемся доме.

Сумрак комнат покинутых душен, Тишина с каждым мигом печальней, Их владелец был ими ж задушен

В темноте готической спальни.

Унесли погребальные свечи,

Отшумели прощальные тризны,

И остались лишь смутные речи,

Да рыданья, полны укоризны.

По стенам опустевшего дома

Пробегают холодные тени,

И рыдают бессильные гномы

В тишине своих новых владений.

Костер

218. ДЕРЕВЬЯ

Я знаю, что деревьям, а не нам, Дано величье совершенной жизни, На ласковой земле, сестре звездам, Мы — на чужбине, а они — в отчизне.

Глубокой осенью в полях пустых

Закаты медно-красные, восходы

Янтарные окраске учат их, —

Свободные, зеленые народы.

Есть Моисеи посреди дубов,

Марии между пальм... Их души, верно

Друг другу посылают тихий зов

С водой, струящейся во тьме безмерной.

И в глубине земли, точа алмаз, Дробя гранит, ключи лепечут скоро, Ключи поют, кричат — где сломан вяз, Где листьями оделась сикомора.

О, если бы и мне найти страну, В которой мог не плакать и не петь я, Безмолвно поднимаясь в вышину

Неисчислимы тысячелетья!

219. АНДРЕЙ РУБЛЕВ

Я твердо, я так сладко знаю,

С искусством иноков знаком,

Что лик жены подобен раю,

Обетованному Творцом.

Нос — это древа ствол высокий; Две тонкие дуги бровей

Над ним раскинулись, широки,
Изгибом пальмовых ветвей.
Два вещих сирина, два глаза,
Под ними сладостно поют,
Велеречивостью рассказа
Все тайны духа выдают.
Открытый лоб — как свод небесный, И кудри — облака над ним;
Их, верно, с робостью прелестной
Касался нежный серафим.
И тут же, у подножья древа,
Уста — как некий райский цвет, Из-за какого матерь Ева
Благой нарушила завет.
Все это кистью достохвальной
Андрей Рублев мне начертал,
И этой жизни труд печальный
Благословеньем Божиим стал.

220. ОСЕНЬ

Оранжево-красное небо...
Порывистый ветер качает
Кровавую гроздь рябины.
Догоняю бежавшую лошадь
Мимо стекол оранжереи,
Решетки старого парка
И лебединого пруда.
Косматая, рыжая, рядом
Несется моя собака,
Которая мне милее
Даже родного брата,
Которую буду помнить,
Если она издохнет.
Стук копыт участился,
Пыль весь выше.
Трудно преследовать лошадь
Чистой арабской крови.
Придется присесть, пожалуй,
Задохнувшись, на камень
Широкий и плоский,

И удивляться тупо

Оранжево-красному небу,

И тупо слушать

Кричащий пронзительно ветер.

221. ДЕТСТВО

Я ребенком любил большие,

Медом пахнувшие луга,

Перелески, травы сухие

И меж трав бычачьи рога.

Каждый пыльный куст придорожный

Мне кричал: “Я шучу с тобой,

Обойди меня осторожно

И узнаешь, кто я такой!”

Только, дикий ветер осенний,

Прошумев, прекращал игру, —

Сердце билось еще блаженней,

И я верил, что я умру

Не один, — с моими друзьями.

С мать-и-мачехой, с лопухом.

И за дальними небесами

Догадаюсь вдруг обо всем.

Я за то и люблю затей

Грозовых военных забав,

Что людская кровь не святее

Изумрудного сока трав.

222. ГОРОДОК

Над широкою рекой,

Пояском-мостом перетянутой,

Городок стоит небольшой,

Летописцем не раз помянутый.

Знаю, в этом городке —

Человечья жизнь настоящая,

Словно лодочка на реке,

К цели ведомой уходящая.

Полосатые столбы

У гауптвахты, где солдатики
Под пронзительный вой трубы
Маршируют, совсем лунатики.
На базаре всякий люд,
Мужики, цыгане, прохожие, —
Покупают и продают,
Проповедуют Слово Божие.
В крепко-слаженных домах
Ждут хозяйки белые, скромные,
В самаркандских цветных платках, А глаза все такие темные.
Губернаторский дворец
Пышет светом в часы вечерние,
Предводителей жеребец —
Удивление всей губернии.
А весной идут, таясь,
На кладбище девушки с милыми,
Шепчут, ластясь: “Мой яхонт-князь!”
И целуются над могилами.
Крест над церковью взнесен,
Символ власти ясной, Отческой, И гудит малиновый звон
Речью мудрою, человеческой.

223. ЛЕДОХОД

Уж одевались острова
Весенней зеленью прозрачной,
Но нет, изменчива Нева,
Ей так легко стать снова мрачной.
Взойди на мост, склони свой взгляд: Там льдины прыгают по льдинам, Зеленые, как медный яд,
С ужасным шелестом змеиным.
Географу, в час трудных снов,
Такие тяготят сознание —
Неведомых материков
Мучительные очертанья.
Так пахнут сыростью гриба,
И неуверенно, и слабо,
Те потайные погреба,
Где труп зарыт и бродят жабы.
Река больна, река в бреду.

Одни, уверены в победе,
В зоологическом саду
Довольны белые медведи.
И знают, что один обман —
Их тягостное заточенье:
Сам Ледовитый Океан
Идет на их освобожденье.

224. ПРИРОДА

Так вот и вся она, природа,
Которой дух не признает,
Вот луг, где сладкий запах меда
Смешался с запахом болот;
Да ветра дикая заплачка,
Как отдаленный вой волков;
Да над сосной курчавой скачка
Каких-то пегих облаков.
Я вижу тени и обличья,
Я вижу, гневом обуян,
Лишь скудное многообразие
Творцом просыпанных семян.
Земля, к чему шутить со мною:
Одежды нищенские сбрось
И стань, как ты и есть, звездюю, Огнем пронизанной насквозь!

225. Я И ВЫ

Да, я знаю, я вам не пара,
Я пришел из иной страны,
И мне нравится не гитара,
А дикарский напев зурны.
Не по залам и по салонам
Темным платьям и пиджакам —
Я читаю стихи драконам,
Водопадам и облакам.
Я люблю — как араб в пустыне
Припадает к воде и пьет,
А не рыцарем на картине,

Что на звезды смотрит и ждет.

И умру я не на постели,

При нотариусе и враче,

А в какой-нибудь дикой щели,

Утонувшей в густом плюще,

Чтоб войти не во всем открытый, Протестантский, прибранный рай, А туда, где разбойник, мытарь

И блудница крикнут: вставай!

226. ЗМЕЙ

Ах, иначе в былые года

Колдовала земля с небесами,

Дива дивные зрелись тогда,

Чуда чудные деялись сами...

Позабыв Золотую Орду,

Пестрый грохот равнины китайской, Змей крылатый в пустынном саду

Часто прятался полночью майской.

Только девушки видеть луну

Выходили походкою статной, —

Он подхватывал быстро одну,

И взмывал, и стремился обратно.

Как сверкал, как слепил и горел

Медный панцырь под хищной луною, Как серебряным звоном летел

Мерный клетот над Русью лесною: “Я красавиц таких, лебедей

С белизною такую молочной,

Не встречал никогда и нигде,

Ни в заморской стране, ни в восточной.

Но еще ни одна не была

Во дворце моем пышном, в Лагоре: Умирают в пути, и тела

Я бросаю в Каспийское Море.

Спать на дне, средь чудовищ морских, Почему им, безумным, дороже,

Чем в могучих объятьях моих

На торжественном княжеском ложе?

И порой мне завидна судьба

Парня с белой пастушеской дудкой

На лугу, где девичья гурьба

Так довольна его прибауткой”.

Эти крики слышав, Вольга

Выходил и поглядывал хмуро,

Надевал тетиву на рога

Беловежского старого тура.

227. МУЖИК

В чащах, в болотах огромных,

У оловянной реки,

В срубках мохнатых и темных

Странные есть мужики.

Выйдет такой в бездорожье,

Где разбежался ковыль,

Слушает крики Стрибожьи,

Чую старинную быль.

С остановившимся взглядом

Здесь проходил печенег...

Сыростью пахнет и гадом

Возле мелеющих рек.

Вот уже он и с котомкой,

Путь оглашая лесной

Песней протяжной, негромкой,

Но озорной, озорной.

Путь этот — светы и мраки,

Посвист, разбойный в полях,

Ссоры, кровавые драки

В страшных, как сны, кабаках.

В гордую нашу столицу

Входит он — Боже, спаси! —

Обворожает царицу

Необозримой Руси

Взглядом, улыбкою детской,

Речью такой озорной, —

И на груди молодецкой

Крест просиял золотой.

Как не погнулись — о, горе! —

Как не покинули мест

Крест на Казанском соборе

И на Исакии крест?

Над потрясенной столицей

Выстрелы, крики, набат;
Город ощерился львицей,
Обороняющей львят.
— “Что ж, православные, жгите
Труп мой на темном мосту,
Пепел по ветру пустите...
Кто защитит сироту?
В диком краю и убогом
Много таких мужиков.
Слышен по вашим дорогам
Радостный гул их шагов”.

228. РАБОЧИЙ

Он стоит пред раскаленным горном, Невысокий старый человек.
Взгляд спокойный кажется покорным
От миганья красноватых век.
Все товарищи его заснули,
Только он один еще не спит:
Все он занят отливаньем пули,
Что меня с землею разлучит.
Кончил, и глаза повеселели.
Возвращается. Блестит луна.
Дома ждет его в большой постели
Сонная и теплая жена.
Пуля им отлитая, просвищет
Над седою, вспененной Двиной,
Пуля, им отлитая, отыщет
Грудь мою, она пришла за мной.
Упаду, смертельно затоскую,
Прошное увижу наяву,
Кровь ключом захлещет на сухую, Пыльную и мятую траву.
И Господь воздаст мне полной мерой
За недолгий мой и горький век.
Это сделал в блузе светло-серой
Невысокий старый человек.

229. ШВЕЦИЯ

Страна живительной прохлады

Лесов и гор гудящих, где
Всклокоченные водопады
Ревут, как будто быть беде;
Для нас священная навеки
Страна, ты помнишь ли, скажи,
Тот день, как из Варягов в Греки
Пошли суровые мужи?
Ответь, ужели так и надо,
Чтоб был, свидетель злых обид, У золотых ворот Царьграда
Забыт Олегов медный щит?
Чтобы в томительные бреды
Опять поникла, как вчера,
Для славы, силы и победы
Тобой подъятая сестра?
И неужель твой ветер свежий
Вотще нам в уши сладко выл,
К Руси славянской, печенежьей
Вотще твой Рюрик приходил?

230. НОРВЕЖСКИЕ ГОРЫ

Я ничего не понимаю, горы:
Ваш гимн поет кощунство иль псалом, И вы, смотрясь в холодные озера, Молитвой заняты иль колдовством?
Здесь с криками чудовищных глумлений, Как сатана на огненном коне,
Пер Гюнт летал на бешеном олене
По самой неприступной крутизне.
И, царств земных непризнанный наследник, Единый побежденный до конца,
Не здесь ли Бранд, суровый проповедник, Сдвигал лавины именем Творца?
А вечный снег и синяя, как чаша
Сапфирная, сокровищница льда!
Страшна земля, такая же, как наша, Ноне рождающая никогда.
И дивны эти неземные лица,
Чьи кудри — снег, чьи очи — дыры в ад, С чьих щек, изрытых бурями, струится, Как борода седая, водопад.

231. НА СЕВЕРНОМ МОРЕ

О, да, мы из расы
Завоевателей древних,
Взносивших над Северным морем

Широкий крашеный парус

И прыгавших с длинных стругов

На плоский берег нормандский — В пределы старинных княжеств

Пожары вносить и смерть.

Уже не одно столетье

Вот так мы бродим по миру,

Мы бродим и трубим в трубы,

Мы бродим и бьем в барабаны:

— Не нужны ли крепкие руки,

Не нужно ли твердое сердце,

И красная кровь не нужна ли

Республике иль королю? —

Эй, мальчик, неси нам

Вина скорее,

Малаги, портвейну,

А главное — виски!

Ну, что там такое:

Подводная лодка,

Пловучая мина?

На это есть моряки!

О, да, мы из расы

Завоевателей древних,

Которым вечно скитаться,

Срывать с высоких башен,

Тонуть в седых океанах

И буйной кровью своею

Поить ненасытных пьяниц —

Железо, сталь и свинец.

Но все-таки песни слагают

Поэты на разных наречьях,

И западных, и восточных;

Но все-таки молят монахи

В Мадриде и на Афоне,

Как свечи горя перед Богом,

Но все-таки женщины грезят —

О нас, и только о нас.

Зачем он мне снился, смятенный, нестройный, Рожденный из глубине наших времен, Тот сон о Стокгольме, такой беспокойный, Такой уж почти и нерадостный сон...

Быть может, был праздник, не знаю наверно, Но только все колокол, колокол звал; Как мощный орган, потрясенный безмерно, Весь город молился, гудел, грохотал ...

Стоял на горе я, как будто народу

О чем-то хотел проповедовать я, И видел прозрачную тихую воду, Окрестные рощи, леса и поля.

“О, Боже, — вскричал я в тревоге, — что, если

Страна эта истинно родина мне?

Не здесь ли любил я и умер не здесь ли, В зеленой и солнечной этой стране?”

И понял, что я заблудился навеки

В слепых переходах пространств и времен, А где-то струятся родимые реки, К которым мне путь навсегда запрещен.

233. ТВОРЧЕСТВО

Моим рожденные словом,

Гиганты пили вино

Всю ночь, и было багровым,

И было страшным оно.

О, если б кровь мою пили,

Я меньше бы изнемог,

И пальцы зари бродили

По мне, когда я прилег.

Проснулся, когда был вечер.

Вставал туман от болот,

Тревожный и теплый ветер

Дышал из южных ворот.

И стало мне вдруг так больно,

Так жалко стало дня,

Своею дорогой вольной

Прошедшего без меня...

Умчаться б вдогонку свету!

Но я не в силах порвать

Мою зловещую эту

Ночных видений тетрадь.

234. УТЕШЕНИЕ

Кто лежит в могиле,

Слышит дивный звон,

Самых белых лилий

Чует запах он.

Кто лежит в могиле,
Видит вечный свет,
Серафимских крылий
Переливный снег.
Да, ты умираешь,
Руки холодны,
И сама не знаешь
Неземной весны.
Но идешь ты к раю
По моей мольбе,
Это так, я знаю.
Я клянусь тебе.

235. ПРАПАМЯТЬ.

И вот вся жизнь! Круженье, пенье, Моря, пустыни, города,
Мелькающее отраженье
Потерянного навсегда.
Бушует пламя, трубят трубы,
И кони рыжие летят,
Потом волнующие губы
О счастье, кажется, твердят.
И вот опять восторг и горе,
Опять, как прежде, как всегда, Седую гривой машет море,
Встают пустыни, города.
Когда же, наконец, восставши
От сна, я буду снова я, —
Простой индеец, задремавший
В священный вечер у ручья?

236. КАНЦОНА ПЕРВАЯ

В скольких земных океанах я плыл, Древних, веселых и пенных,
Сколько в степях караваны водил
Дней и ночей несравненных...
Как мы смеялись в былые года
С вольною Музой моею...
Рифмы, как птицы, слетались тогда, Сколько — и вспомнить не смею.
Только любовь мне осталась, струной

Ангельской арфы взывая,

Душу пронзая, как тонкой иглой, Синими светами рая.

Ты мне осталась одна. Няяву

Видевший солнце ночное,

Лишь для тебя на земле я живу, Делаю дело земное.

Да, ты в моей беспокойной судьбе —Ерусалим пилигримов.

Надо бы мне говорить о тебе

На языке серафимов.

237. КАНЦОНА ВТОРАЯ

Храм Твой, Господи, в небесах, Но земля тоже Твой приют.

Расцветают липы в лесах,

И на липах птицы поют.

Точно благовест Твой, весна

По веселым идет полям,

А весною на крыльях сна

Прилетают ангелы к нам.

Если, Господи, это так,

Если праведно я пою,

Дай мне, Господи, дай мне знак, Что я волю понял Твою.

Перед той, что сейчас грустна, Появись, как Незримый Свет,

И на все, что спросит она,

Ослепительный дай ответ.

Ведь отрадней пения птиц,

Благодатней ангельских труб

Нам дрожанье милых ресниц

И улыбка любимых губ.

238. КАНЦОНА ТРЕТЬЯ

Как тихо стало в природе!

Вся — зренье она, вся — слух.

К последней страшной свободе

Склонился уже наш дух.

Земля забудет обиды

Всех воинов, всех купцов,

И будут, как встарь, друиды

Учить с зеленых холмов.

И будут, как встарь, поэты

Вести сердца к высоте,

Как ангел водит кометы

К неведомой им мете.

Тогда я воскликну: “Где же

Ты, созданная из огня?

Ты видишь, взоры все те же,

Все та же песнь у меня.

Делюсь я с тобою властью,

Слуга твоей красоты,

За то, что полное счастье,

Последнее счастье — ты!”

239. САМОФРАКИЙСКАЯ ПОБЕДА

В час моего ночного бреда

Ты возникаешь пред глазами —

Самофракийская Победа

С простертыми вперед руками.

Спугнув безмолвие ночное,

Рождает головокруженье

Твое крылатое, слепое,

Неудержимое стремленье.

В твоём безумно-светлом взгляде

Смеется что-то, пламенея,

И наши тени мчатся сзади,

Поспеть за нами не умея.

240. РОЗА

Цветов и песен благодатный хмель

Нам запрещён, как ветхие мечтанья.

Лишь девственные наименованья

Поэтам разрешаются отсель.

Но роза, принесенная в отель,

Забытая нарочно в час прощанья

На томике старинного издания

Канцон, которые слагал Рюдель, —Ее ведь смею я почтить сонетом: Мне книга скажет, что любовь одна

В тринадцатом столетии, как в этом, Печальной смерти и пьяней вина, И, бархатные лепестки целуя,

Быть может, преступленья не свершу я?

241. ТЕЛЕФОН

Неожиданный и смелый

Женский голос в телефоне, —

Сколько сладостных гармоний

В этом голосе без тела!

Счастье, шаг твой благосклонный

Не всегда проходит мимо:

Звонче лютни серафима

Ты и в трубке телефонной!

242. ЮГ

За то, что я теперь спокойный, И умерла моя свобода,

О самой светлой, о самой стройной

Со мной беседует природа.

В дали, от зноя помертвелой,

Себе и солнцу буйно рада,

О самой стройной, о самой белой

Звенит немолчная цикада.

Увижу ль пены побережной

Серебряное колыханье, —

О самой белой, о самой нежной

Поет мое воспоминанье.

Вот ставит ночь свои ветрила

И тихо по небу струится,

О самой нежной, о самой милой

Мне пестрокрылый сон приснится.

243. РАССЫПАЮЩАЯ ЗВЕЗДЫ

Не всегда чужда ты и горда

И меня не хочешь не всегда, —

Тихо, тихо, нежно, как во сне, Иногда приходишь ты ко мне.

Надо лбом твоим густая прядь,

Мне нельзя ее поцеловать,

И глаза большие зажжены

Светами магической луны.

Нежный друг мой, беспощадный враг

Так благословен твой каждый шаг, Словно по сердцу ступаешь ты,

Рассыпая звезды и цветы.

Я не знаю, где ты их взяла,

Только отчего ты так светла,

И тому, кто мог с тобой побыть, На земле уж нечего любить?

244. О ТЕБЕ

О тебе, о тебе, о тебе,

Ничего, ничего обо мне!

В человеческой, темной судьбе

Ты — крылатый призыв к высоте.

Благородное сердце твое —

Словно герб отошедших времен.

Освящается им бытие

Всех земных, всех бескрылых племен.

Если звезды, ясны и горды,

Отвернутся от нашей земли,

У нее есть две лучших звезды:

Это — смелые очи твои.

И когда золотой серафим

Протрубит, что исполнился срок, Мы поднимем тогда перед ним,

Как защиту, твой белый платок.

Звук замрет в задрожавшей трубе, Серафим пропадет в высоте...

... О тебе, о тебе, о тебе,

Ничего, ничего обо мне!

245. СОН

Застонал я от сна дурного

И проснулся, тяжело скорбя;

Снилось мне — ты любишь другого, И что он обидел тебя.

Я бежал от моей постели,

Как убийца от плахи своей,

И смотрел, как тускло блестели

Фонари глазами зверей.

Ах, наверно таким бездомным

Не блуждал ни один человек

В эту ночь по улицам темным,

Как по руслам высохших рек.

Вот стою перед дверью твоею,
Не дано мне иного пути,
Хоть и знаю, что не посмею
Никогда в эту дверь войти.
Он обидел тебя, я знаю,
Хоть и было это лишь сном,
Но я все-таки умираю
Пред твоим закрытым окном.

246. ЭЗБЕКИЕ

Как странно — ровно десять лет прошло
С тех пор, как я увидел Эзбекие, Большой каирский сад, луною полной
Торжественно в тот вечер освещенный.
Я женщиною был тогда измучен,
И ни соленый, свежий ветер моря, Ни грохот экзотических базаров, Ничто меня утешить не могло.
О смерти я тогда молился Богу
И сам ее приблизить был готов.
Но этот сад, он был во всем подобен
Священным роцам молодого мира: Там пальмы тонкие вносили ветви, Как девушки, к которым Бог нисходит; На холмах, словно вещи
друиды, Толпились величавые платаны,
И водопад белел во мраке, точно
Встающий на дыбы единорог;
Ночные бабочки перелетали
Среди цветов, поднявшихся высоко, Иль между звезд, — так низко были звезды, Похожие на спелый барбарис.
И, помню, я воскликнул: “Выше горя
И глубже смерти — жизнь! Прими, Господь, Обет мой вольный: что бы ни случилось, Какие бы печали, униженья
Ни выпали на долю мне, не раньше
Задумаюсь о легкой смерти я,
Чем вновь войду такой же лунной ночью
Под пальмы и платаны Эзбекие”.
Как странно — ровно десять лет прошло, И не могу не думать я о пальмах, И о платанах, и о водопаде,
Во мгле белевшем, как единорог.
И вдруг оглядываюсь я, заслыша
В гуденьи ветра, в шуме дальней речи
И в ужасающем молчаньи ночи
Таинственное слово — Эзбекие.
Да, только десять лет, но, хмурый странник, Я снова должен ехать, должен видеть
Моря, и тучи, и чужие лица,

Все, что меня уже не обольщает, Войти в тот сад и повторить обет

Или сказать, что я его исполнил

И что теперь свободен...

Романтические цветы

20. СОНЕТ

Как конквистадор в панцире железном, Я вышел в путь и весело иду,

То отдыхая в радостном саду,

То наклоняясь к пропастям и безднам.

Порою в небе смутном и беззвездном

Растет туман... но я смеюсь и жду, И верю, как всегда, в мою звезду, Я, конквистадор в панцире железном.

И если в этом мире не дано

Нам расковать последнее звено, Пусть смерть приходит я зову любую!

Я с нею буду биться до конца

И, может быть, рукою мертвеца

Я лилию добуду голубую.

21. БАЛЛАДА

Пять коней подарил мне мой друг Люцифер

И одно золотое с рубином кольцо, Чтобы мог я спускаться в глубины пещер

И увидел небес молодое лицо.

Кони фыркали, били копытом, маня

Понестись на широком пространстве земном, И я верил, что солнце зажглось для меня, Просияв, как рубин на кольце золотом.

Много звездных ночей, много огненных дней

Я скитался, не зная скитанью конца, Я смеялся порывам могучих коней

И игре моего золотого кольца.

Там, на высях сознанья — безумье и снег, Но коней я ударил свистящим бичем, Я на выси сознанья направил их бег

И увидел там деву с печальным лицом.

В тихом голосе слышались звоны струны, В странном взоре сливался с ответом вопрос, И я отдал кольцо этой деве луны

За неверный оттенок разбросанных кос.

И, смеясь надо мной, презирая меня, Люцифер распахнул мне ворота во тьму, Люцифер подарил мне шестого коня —И Отчаянье было названье ему.

22. ОССИАН

По небу бродили свинцовые, тяжкие тучи, Меж них багровела луна, как смертельная рана.

Зеленого Эрина воин, Кухулин могучий

Упал под мечем короля океана, Сварана.

Зловеще рыдали сивиллы седой заклинанья, Вспененное море вставало и вновь опадало, И встретил Сваран исступленный, в грозе ликованья, Героя героев, владыку пустыни, Фингала.

Схватились и ходят, скользя на росистых утесах, Друг другу ломая медвежьи упругие спины, И слушают вести от ветров протяжногoлых

О битве великой в великом испуге равнины.

Когда я устану от ласковых слов и объятий, Когда я устану от мыслей и дел повседневных, Я слышу, как воздух трепещет от грозных проклятий, Я вижу на холме героев суровых и гневных.

23. КРЫСА

Вздрагивает огонек лампадки,

В полутемной детской тихо, жутко, В кружевной и розовой кровати

Притаилась робкая малютка.

Что там? Будто кашель домового?

Там живет он, маленький и лысый...

Горе! Из-за шкафа платяного

Медленно выходит злая крыса.

В красноватом отблеске лампадки, Поводя колючими усами,

Смотрит, есть ли девочка в кровати, Девочка с огромными глазами.

— Мама, мама! — Но у мамы гости, В кухне хохот няни Василисы,

И горят от радости и злости,

Словно угольки, глазки крысы.

Страшно ждать, но встать еще страшнее. Где он, где он, ангел светлокрылый?

— Милый ангел, приходи скорее, Защити от крысы и помилуй!

24. РАССВЕТ

Змей взглянул, и огненные звенья

Потянулись, медленно бледнея,

Но горели яркие каменья

На груди властительного Змея.

Как он дивно светел, дивно страшен!

Но Павлин и строг и непонятен, Золотистый хвост его украшен

Тысячею многоцветных пятен.

Молчаливо ждали у преддверья;

Только ангел шевельнул крылами, И посыпались из рая перья

Легкими, сквозными облаками.

Сколько их насыпалось, белея,

Словно снег над неокрепшей нивой!

И погасли изумруды Змея

И Павлина веерное диво.

Что нам в бледном утреннем обмане?

И Павлин, и Змей — чужие людям.

Вот они растаяли в тумане,

И мы больше видеть их не будем.

Мы дрожим, как маленькие дети, Нас пугают времени налеты,

Мы пойдем молиться на рассвете

В ласковые мраморные гроты.

25. СМЕРТЬ

Нежной, бледной, в пепельной одежде

Ты явилась б ласкою очей.

Не такой тебя встречал я прежде

В трубном вое, в лязганьи мечей.

Ты казалась золотисто-пьяной,

Обнажив сверкающую грудь.

Ты среди кровавого тумана

К небесам прорезывала путь.

Как у вечно-жаждущей Астреи,

Взоры были дивно глубоки,

И неслась по жилам кровь быстрее, И крепчали мускулы руки.

Но тебя, хоть ты теперь иная,

Я мечтою прежней узнаю.

Ты меня манила песней рая,

И с тобой мы встретимся в раю.

26. В НЕБЕСАХ

Ярче золота вспыхнули дни,

И бежала Медведица-ночь.

Догони ее, князь, догони,

Зааркань и к седлу приторочь!

Зааркань и к седлу приторочь,

А потом в голубом терему

Укажи на Медведицу-ночь

Богатырскому Псу своему.

Мертвой хваткой вцепляется Пес, Он отважен, силен и хитер,

Он звериную злобу донес

К медведям с незапамятных пор.

Никуда ей тогда не спастись,

И издохнет она наконец,

Чтобы в небе спокойно паслись

Козерог, и Овен, и Телец.

27. ДУМЫ

Зачем они ко мне собрались, думы, Как воры ночью в тихий мрак предместий?

Как коршуны, зловещи и угрюмы, Зачем жестокой требовали мести?

Ушла надежда, и мечты бежали,

Глаза мои открылись от волненья, И я читал на призрачной скрижали

Свои слова, дела и помышленья.

За то, что я спокойными очами

Смотрел на уплывающих к победам, За то, что я горячими губами

Касался губ, которым грех неведом, За то, что эти руки, эти пальцы

Не знали пуга, были слишком тонки, За то, что песни, вечные скитальцы, Томили только, горестны и звонки, За все теперь настало время мести.

Обманный, нежный храм слепцы разрушат, И думы, воры в тишине предместий, Как нищего во тьме, меня задушат.

28. КРЕСТ

Так долго лгала мне за картою карта, Что я уж не мог опьяниться вином.

Холодные звезды тревожного марта

Бледнели одна за другой за окном.

В холодном безумьи, в тревожном азарте

Я чувствовал, будто игра эта — сон.

“Весь банк — закричал — покрываю я в карте!”

И карта убита, и я побежден.

Я вышел на воздух. Рассветные тени

Бродили так нежно по нежным снегам.

Не помню я сам, как я пал на колени, Мой крест золотой прижимая к губам.

— Стать вольным и чистым, как звездное небо, Твой посох принять, Сестра Ницета, Бродить по дорогам, выпрашивать хлеба, Людей заклиная святыней креста! —Мгновенье... и в зале веселой и шумной

Все стихли и встали испуганно с мест, Когда я вошел, воспаленный, безумный, И молча на карту поставил мой крест.

29. МАСКАРАД

В глухих коридорах и в залах пустынных

Сегодня собрались веселые маски, Сегодня в увитых цветами гостиных

Прошли ураганом безумные пляски.

Бродили с драконами под руку луны, Китайские вазы метались меж ними, Был факел горящий и лютня, где струны

Твердили одно непонятное имя.

Мазурки стремительный зов раздавался, И я танцевал с куртизанкой Содома, О чем-то грустил я, чему-то смеялся, И что-то казалось мне странно-знакомо.

Молил я подругу: “Сними эту маску, Ужели не узнала ты брата?

Ты так мне напомнила древнюю сказку, Которую раз я услышал когда-то.

Для всех ты останешься вечно-чужою

И лишь для меня бесконечно-знакома, И верь, от людей и от масок я скрою, Что знаю тебя я, царица Содома”.

Под маской мне слышался смех ее юный, Но взоры ее не встречались с моими, Бродили с драконами под руку луны, Китайские вазы метались меж ними.

Как вдруг под окном, где угрозой пустою

Темнело лицо проплывающей ночи, Она от меня ускользнула змеею, И сдернула маску, и глянула в очи.

Я вспомнил, я вспомнил — такие же песни, Таковую же дикую дрожь сладострастья

И ласковый, вкрадчивый шепот: “Воскресни, Воскресни для жизни, для боли и счастья!”

Я многое понял в тот миг сокровенный, Но страшную клятву мою не нарушу.

Царица, царица, ты видишь, я пленный, Возьми мое тело, возьми мою душу!

30. ПОСЛЕ ПОБЕДЫ

Солнце катится, кудри мои золотя, Я срываю цветы, с ветерком говорю.

Почему же не счастлив я, словно дитя, Почему не спокоен, подобно царю?

На испытанном луке дрожит тетива, И все шепчет, и шепчет сверкающий меч.

Он, безумный, еще не забыл острова, Голубые моря нескончаемых сеч.

Для кого же теперь вы готовите смерть, Сильный меч и далеко-стреляющий лук?

Иль не знаете вы: завоевана твердь, К нам склонилась земля, как союзник и друг; Все моря целовали мои корабли, Мы почтили сраженьями все берега.

Неужели за гранью широкой земли

И за гранью небес вы узнали врага?

31. ВЫБОР

Созидая башню сорвется,

Будет страшен стремительный лет, И на дне мирового колодца

Он безумье свое проклянет.

Разрушающий будет раздавлен,

Опрокинут обломками плит,

И, Всевидящим Богом оставлен,

Он о муке своей возопит.

А ушедший в ночные пещеры

Или к заводям тихой реки

Повстречает свирепой пантеры

Наводящие ужас зрачки.

Не спасешься от доли кровавой, Что земным предназначила твердь.

Но молчи: несравненное право — Самому выбирать свою смерть.

32. УМНЫЙ ДЬЯВОЛ

Мой старый друг, мой верный Дьявол, Пропел мне песенку одну:

— Всю ночь моряк в пучине плавал, А на заре пошел ко дну.

Кругом вставали волны-стены,

Спадали, вспенивались вновь,

Пред ним неслась, белее пены,

Его великая любовь.

Он слышал зов, когда он плавал: “О, верь мне, я не обману”...

Но помни, — молвил умный Дьявол, — Он на заре пошел ко дну.

33. ОТКАЗ

Царица — иль, может быть, только печальный ребенок, — Она наклонялась над сонно-вздыхающим морем, И стан ее стройный и гибкий казался так тонок, Он тайно стремился навстречу серебряным зорям.

Сбегающий сумрак. Какая-то крикнула птица, И вот перед ней замелькали на влаге дельфины; Чтоб плыть к бирюзовым владеньям влюбленного принца, Они предлагали свои глянцевиные спины.

Но голос хрустальный казался особенно звонок, Когда он упрямо сказал роковое “не надо”...

Царица — иль, может быть, только капризный ребенок, Усталый ребенок с бессильною мукою взгляда.

34. ВОСПОМИНАНИЕ

Над пучиной в полуденный час

Пляшут искры, и солнце лучится, И рыдает молчанием глаз

Далеко залетевшая птица.

Заманила зеленая сеть

И окутала взоры туманом,

Ей осталось лететь и лететь

До конца над немym океаном.

Прихотливые вихри влекут,

Бесполезны мольбы и усилья,

И на землю ее не вернут

Утомленные белые крылья.

И когда я увидел твой взор,

Где печальные скрылись зарницы, Я заметил в нем тот же укор,

Тот же ужас измученной птицы.

35. МЕЧТЫ

За покинутым, бедным жилищем,

Где чернеют остатки забора,

Старый ворон с оборванным нищим

О восторгах вели разговоры.

Старый ворон в тревоге всегдашней

Говорил, трепеща от волнения,

Что ему на развалинах башни

Небывалые снились виденья.

Что в полете воздушном и смелом

Он не помнил тоски их жилища

И был лебедем нежным и белым,

Принцем был отвратительный нищий.

Нищий плакал бессильно и глухо, Ночь тяжелая с неба спустилась, Проходившая мимо старуха

Учащенно и робко крестилась.

36. ПЕРЧАТКА

На руке моей перчатка,

И ее я не сниму,

Под перчаткою загадка,

О которой вспомнить сладко

И которая уводит мысль во тьму.

На руке прикосновенье

Тонких пальцев милых рук,

И как слух мой помнит пенье,

Так хранит их впечатленье

Эластичная перчатка, верный друг.

Есть у каждого загадка,

Уводящая во тьму,

У меня — моя перчатка,

И о ней мне вспомнить сладко,

И ее до новой встречи не сниму.

37. МНЕ СНИЛОСЬ

Мне снилось: мы умерли оба,

Лежим с успокоенным взглядом,

Два белые, белые гроба

Поставлены рядом.

Когда мы сказали — довольно?

Давно ли, и что это значит?

Но странно, что сердцу не больно, Что сердце не плачет.

Бессильные чувства так странны, Застывшие мысли так ясны,

И губы твои не желанны,
Хоть вечно прекрасны.
Свершилось: мы умерли оба,
Лежим с успокоенным взглядом,
Два белые, белые гроба
Поставлены рядом.

38. САДА-ЯККО

В полутемном строгом зале
Пели скрипки, вы плясали.
Группы бабочек и лилий
На шелку зеленоватом,
Как живые, говорили
С электрическим закатом,
И ложилась тень акаций
На полотна декораций.
Вы казались бонбоньеркой
Над изящной этажеркой,
И, как беленькие кошки,
Как играющие дети,
Ваши маленькие ножки
Трепетали на паркете,
И жуками золотыми
Нам сияло ваше имя.
И когда вы говорили,
Мы далекое любили,
Вы бросали в нас цветами
Незнакомое искусства,
Непонятными словами
Опьяняя наши чувства,
И мы верили, что солнце
Только вымысел японца.

39. САМОУБИЙСТВО

Улыбнулась и вздохнула,
Догадавшись о покое,
И последний раз взглянула

На ковры и на обои.

Красный шарик уронила

На вино в узорный кубок

И капризно помочила

В нем кораллы нежных губок.

И живая тень румянца

Заменялась тенью белой,

И, как в странной позе танца,

Искривясь, поникло тело.

И чужие миру звуки

Издалика набегают,

И незримый бисер руки,

Задрожав, перебирают.

На ковре она трепещет,

Словно белая голубка,

А отравленная блещет

Золотая влага кубка.

40. ПРИНЦЕССА

В темных покрывалах летней ночи

Заблудилась юная принцесса.

Плачущей нашел ее рабочий,

Что работал в самой чаще леса.

Он отвел ее в свою избушку,

Угостил лепешкой с горьким салом, Подложил под голову подушку

И закутал ноги одеялом.

Сам заснул в углу далеком сладко, Стала тихо тишиной виденья,

Пламенем мелькающим лампадка

Освещала только часть строенья.

Неужели это только тряпки,

Жалкие, ненужные отбросы,

Кроличьи засушенные лапки,

Брошенные на пол папиросы?

Почему же ей ее томленье

Кажется мучительно знакомо,

И ей шепчут грязные поленья,

Что она теперь лишь вправду дома?

... Ранним утром заспанный рабочий

Проводил принцессу до опушки,

Но не раз потом в глухие ночи

Проливались слезы об избушке.

41. ПЕЩЕРА СНА

Там, где похоронен старый маг, Где зияет в мраморе пещера,

Мы услышим робкий, тайный шаг, Мы с тобой увидим Люцифера.

Подожди, погаснет скучный день, В мире будет тихо, как во храме, Люцифер прокрадется, как тень, С тихими вечерними тенями.

Скрытые, незримые для всех,

Сохраним мы нежное молчанье,

Будем слушать серебристый смех

И бессильно-горькое рыданье.

Синий блеск нам взор заморозит, Фея Маб свои расскажет сказки, И спугнет, блуждая, Вечный Жид

Бабочек оранжевой окраски.

Но когда воздушный лунный знак

Побледнеет, шествуя к паденью, Снова станет трупом старый маг, Люцифер — блуждающею тенью.

Фея Маб на лунном лепестке

Улетит к далекому чертогу,

И, угрюмо посох сжав в руке,

Вечный Жид отправится в дорогу.

И, взойдя на плиты алтаря,

Мы заглянем в узкое оконце,

Чтобы встретить песнею царя,

Золотисто-огненное солнце.

42. ВЛЮБЛЕННАЯ В ДЬЯВОЛА

Что за бледный и красивый рыцарь

Проскакал на вороном коне,

И какая сказочная птица

Кружилась над ним в вышине?

И какой печальный взгляд он бросил

На мое цветное окно,

И зачем мне сделался несносен

Мир родной и знакомый давно?

И зачем мой старший брат в испуге

При дрожащем мерцаньи свечи

Вынимал из погребов кольчуги

И натачивал копья и мечи?

И зачем сегодня в капелле

Все сходились, читали псалмы,

И монахи угрюмые пели

Заклинанья против мрака и тьмы?

И спускался сумрачный астролог

С заклинательной башни в дом,

И зачем был так странно долог

Его спор с моим старым отцом?

Я не знаю, ничего не знаю,

Я еще так молода,

Но я все же плачу, и рыдаю,

И мечтаю всегда.

43. ЛЮБОВНИКИ

Любовь их душ родилась возле моря, В священных рощах девственных наяд, Чьи песни вечно-радостно звучат, С напевом струн, с игрою ветра споря.

Великий жрец... страннее и суровой

Едва ль была людская красота,

Спокойный взгляд, сомкнутые уста

И на кудрях повязка цвета крови.

Когда вставал туман над водной степью, Великий жрец творил святой обряд, И танцы гибких, трепетных наяд

По берегу вились жемчужной цепью.

Средь них одной, пленительней, чем сказка, Великий жрец оказывал почет.

Он позабыл, что красота влечет, Что опьяняет красная повязка.

И звезды предрассветные мерцали, Когда забыл великий жрец обет, Ее уста не говорили "нет",

Ее глаза ему не отказали.

И, преданы клеймящему злословью, Они ушли из тьмы священных рощ

Туда, где их сердец исчезла мощь, Где их сердца живут одной любовью.

44. ЗАКЛИНАНИЕ

Юный маг в пурпуровом хитоне

Говорил нездешние слова,

Перед ней, царицей беззаконий, Расточал рубины волшебства.

Аромат сжигаемых растений

Открывал пространства без границ, Где носились сумрачные тени,

То на рыб похожи, то на птиц.

Плакали невидимые струны,

Огненные плавали столбы,
Гордые военные трибуны
Опускали взоры, как рабы.
А царица, тайное тревожа,
Мировой играла крутизной,
И ее атласистая кожа
Опьяняла снежной белизной.
Отданный во власть ее причуде, Юный маг забыл про все вокруг, Он смотрел на маленькие груди, На браслеты вытянутых рук.
Юный маг в пурпуровом хитоне
Говорил, как мертвый, не дыша, Отдал все царице беззаконий,
Чем была жива его душа.
А когда на изумрудах Нила
Месяц закачался и поблек,
Бледная царица уронила
Для него алеющий цветок.

45. ГИЕНА

Над тростником медлительного Нила, Где носятся лишь бабочки да птицы, Скрывается забытая могила
Преступной, но пленительной царицы.
Ночная мгла несет свои обманы, Встает луна, как грешная сирена, Бегут белесоватые туманы,
И из пещеры крадется гиена.
Ее стенанья яростны и грубы,
Ее глаза зловещи и унылы,
И страшны угрожающие зубы
На розоватом мраморе могилы.
“Смотри, луна, влюбленная в безумных, Смотрите, звезды, стройные виденья, И темный Нил, владыка вод бесшумных, И бабочки, и птицы, и растенья.
Смотрите все, как шерсть моя дыбится, Как блещут взоры злыми огоньками.
Неправда ль, я такая же царица, Как та, что спит под этими камнями?
В ней билось сердце, полное изменой, Носили смерть изогнутые брови, Она была такою же гиеной,
Она, как я, любила запах крови”.
По деревьям собаки воют в страхе, В домах рыдают маленькие дети, И хмурые хватаются феллахи
За длинные, безжалостные плети.

46. КОРАБЛЬ

— Что ты видишь во взоре моем, В этом бледно-мерцающем взоре? —Я в нем вижу глубокое море
С потонувшим большим кораблем.
Тот корабль... величавей, смелее

Не видали над бездной морской.

Колыхались высокие реи,
Трепетала вода за кормой.
И летучие странные рыбы
Покидали подводный предел
И бросали на воздух изгибы
Изумрудно-блистающих тел.
Ты стояла на дальнем утесе,
Ты смотрела, звала и ждала,
Ты в последнем веселом матросе
Огневое стремленье зажгла.
И никто никогда не узнает
О безумной, предсмертной борьбе
И о том, где теперь отдыхает
Тот корабль, что стремился к тебе.
И зачем эти тонкие руки
Жемчугами прорезали тьму,
Точно ласточки с песней разлуки, Точно сны, улетая к нему.
Только тот, кто с тобою, царица, Только тот вспоминает о нем,
И его голубая гробница
В затуманенном взоре твоём.

47. ЯГУАР

Странный сон увидел я сегодня: Снилось мне, что я сверкал на небе, Но что жизнь, чудовищная сводня, Выкинула мне недобрый жребий.
Превращён внезапно в ягуара,
Я сгорал от бешеных желаний,
В сердце — пламя грозного пожара, В мускулах — безумье содроганий.
И к людскому крался я жилищу
По пустому сумрачному полю
Добывать полуночную пищу,
Богом мне назначенную долю.
Но нежданно в темном перелеске
Я увидел нежный образ девы
И запомнил яркие подвески,
Поступь лани, взоры королевы.
“Призрак Счастья, Белая Невеста”...
Думал я, дрожащий и смущенный, А она промолвила: “Ни с места!”
И смотрела тихо и влюбленно.

Я молчал, ее покорный кличу,

Я лежал, ее окован знаком,

И достался, как шакал, в добычу

Набежавшим яростным собакам.

А она прошла за перелеском

Тихими и легкими шагами,

Лунный луч кружился по подвескам, Звезды говорили с жемчугами.

48. УЖАС

Я долго шел по коридорам,

Кругом, как враг, таилась тишь.

На пришлеца враждебным взором

Смотрели статуи из ниш.

В угрюмом сне застыли вещи,

Был странен серый полумрак,

И точно маятник зловещий,

Звучал мой одинокий шаг.

И там, где глубже сумрак хмурый, Мой взор горящий был смущен

Едва заметною фигурой

В тени столпившихся колонн.

Я подошел, и вот мгновенный,

Как зверь, в меня вцепился страх: Я встретил голову гиены

На стройных девичьих плечах.

На острой морде кровь налипла, Глаза зияли пустотой,

И мерзко крался шопот хриплый: “Ты сам пришел сюда, ты мой!”

Мгновенья страшные бежали,

И наплывала полумгла,

И бледный ужас повторяли

Бесчисленные зеркала.

49. ЗА ГРОБОМ

Под землей есть тайная пещера, Там стоят высокие гробницы,

Огненные грезы Люцифера, —

Там блуждают стройные блудницы.

Ты умрешь бесславно иль со славой, Но придет и властно глянет в очи

Смерть, старик угрюмый и костлявый, Нудный и медлительный рабочий.

Понесет тебя по коридорам,

Понесет от башни и до башни.

Со стеклянным, выпученным взором

Ты поймешь, что это сон всегдашний.

И когда, упав в твою гробницу, Ты загрешишь о небесном храме, Ты увидишь пред собой блудницу

С острыми жемчужными зубами.

Сладко будет ей к тебе приникнуть, Целовать со злобой бесконечной.

Ты не сможешь двинуться и крикнуть...

Это все. И это будет вечно.

50. НЕВЕСТА ЛЬВА

Жрец решил. Народ, согласный

С ним, зарезал мать мою:

Лев пустынный, бог прекрасный, Ждет меня в степном раю.

Мне не страшно, я ли скроюсь

От грозящего врага?

Я надела алый пояс,

Янтари и жемчуга.

Вот в пустыне я и кличу:

“Солнце-зверь, я заждалась,

Приходи терзать добычу

Человеческую, князь!

Дай мне вздрогнуть в тяжких лапах, Пасть и не подняться вновь,

Дай услышать страшный запах,

Темный, пьяный, как любовь”.

Как куренья, пахнут травы,

Как невеста, я тиха,

Надо мною взор кровавый

Золотого жениха.

51. САДЫ ДУШИ

Сады моей души всегда узорны,

В них ветры так свежи и тиховейны, В них золотой песок и мрамор черный, Глубокие, прозрачные бассейны.

Растенья в них, как сны, необычайны, Как воды утром, розовеют птицы, И — кто поймет намек старинной тайны? — В них девушка в венке великой жрицы.

Глаза, как отблеск чистой серой стали, Изящный лоб, белей восточных лилий, Уста, что никого не целовали

И никогда ни с кем не говорили.

И щеки — розоватый жемчуг юга, Сокровище немислимых фантазий, И руки, что ласкали лишь друг друга, Переплетаясь в молитвенном экстазе.

У ног ее — две черные пантеры

С отливом металлическим на шкуре.

Взлетев от роз таинственной пещеры, Ее фламинго плавает в лазури.

Я не смотрю на мир бегущих линий, Мои мечты лишь вечному покорны.

Пускай сирокко бесится в пустыне, Сады моей души всегда узорны.

52. ЗАРАЗА

Приближается к Каиру судно

С длинными знаменами Пророка.

По матросам угадать нетрудно,

Что они с востока.

Капитан кричит и суетится,

Слышен голос гортанный и резкий, Меж снастей видны смуглые лица, И мелькают красные фески.

На пристани толпятся дети,

Забавны их тонкие тельца,

Они сошлись еще на рассвете

Посмотреть, где станут пришельцы.

Аисты сидят на крыше

И вытягивают шеи.

Они всех выше,

И им виднее.

Аисты — воздушные маги,

Им многое тайное понятно:

Почему у одного бродяги

На щеках багровые пятна.

Аисты кричат над домами,

Но никто не слышит их рассказа, Что вместе с духами и шелками

Пробирается в город зараза.

53. ОРЕЛ СИНДБАДА

Следом за Синдбадом-Мореходом

В чуждых странах я собирал червонцы

И блуждал по незнакомым водам, Где, дробясь, пылали блики солнца.

Сколько раз я думал о Синдбаде

И в душе лелеял мысли те же...

Было сладко грезить о Багдаде, Проходя у чуждых побережий.

Но орел, чьи перья — красный пламень, Что носил богатого Синдбада,

Поднял и швырнул меня на камень, Где морская веяла прохлада.

Пусть халат мой залит свежей кровью, —В сердце гибель загорелась снами.

Я — как мальчик, схваченный любовью

К девушке, окутанной шелками.

Тишина над дальним кругозором, В мыслях праздник светлого бессилья, И орел, моим смущенным взором, Отлетая, распускает крылья.

54. ЖИРАФ

Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд, И руки особенно тонки, колени обняв.

Послушай: далеко, далеко, на озере Чад

Изысканный бродит жираф.

Ему грациозная стройность и нега дана, И шкуру его украшает волшебный узор, С которым равняться осмелится только луна, Дробясь и качаясь на влаге широких озер.

Вдали он подобен цветным парусам корабля, И бег его плавен, как радостный птичий полет.

Я знаю, что много чудесного видит земля, Когда на закате он прячется в мраморный грот.

Я знаю веселые сказки таинственных стран

Про черную деву, про страсть молодого вождя, Но ты слишком долго вдыхала тяжелый туман, Ты верить не хочешь во что-нибудь, кроме дождя.

И как я тебе расскажу про тропический сад, Про стройные пальмы, про запах немислимых трав...

— Ты плачешь? Послушай... далеко, на озере Чад

Изысканный бродит жираф.

55. НОСОРОГ

Видишь, мчатся обезьяны

С диким криком на лианы,

Что свисают низко, низко,

Слышишь шорох многих ног?

Это значит — близко, близко

От твоей лесной поляны

Разъяренный носорог.

Видишь общее смятенье,

Слышишь топот? Нет сомненья,

Если даже буйвол сонный

Отступает глубже в грязь.

Но, в нездешнее влюбленный,

Не ищи себе спасенья,

Убегая и таясь.

Подними высоко руки

С песней счастья и разлуки,

Взоры в розовых туманах

Мысль далеко уведут,

И из стран обетованных

Нам незримые фелуки

За тобою приплывут.

56. ОЗЕРО ЧАД

На таинственном озере Чад

Посреди вековых баобабов

Вырезные фелуки стремят

На заре величавых арабов.

По лесистым его берегам

И в горах, у зеленых подножий, Поклоняются страшным богам

Девы-жрицы с эбеновой кожей.

Я была женой могучего вождя,

Дочькью властительного Чада,

Я одна во время зимнего дождя

Совершала таинство обряда.

Говорили — на сто миль вокруг

Женщин не было меня светлее,

Я браслетов не снимала с рук.

И янтaрь всегда висел на шее.

Белый воин был так строен,

Губы красны, взор спокоен,

Он был истинным вождем;

И открылась в сердце дверца,

А когда нам шепчет сердце,

Мы не боремся, не ждем.

Он сказал мне, что едва ли

И во Франции видали

Обольстительней меня,

И как только день растает,

Для двоих он оседлает

Берберийского коня.

Муж мой гнался с верным луком, Пробегал лесные чащи,

Перепрыгивал овраги,

Плыл по сумрачным озерам

И достался смертным мукам;

Видел только день палящий

Труп свирепого бродяги,

Труп покрытого позором.

А на быстром и сильном верблюде, Утопая в ласкающей груди

Шкур звериных и шелковых тканей, Уносились я птицей на север,

Я ломала мой редкостный веер,

Упиваясь восторгом заране.

Раздвигала я гибкие складки

У моей разноцветной палатки

И, смеясь, наклонялась в оконце, Я смотрела, как прыгает солнце

В голубых глазах европейца.

А теперь, как мертвая смоковница, У которой листья облетели,

Я ненужно-скупная любовница,

Словно вещь, я брошена в Марселе.

Чтоб питаться жалкими отбросами, Чтобы жить, вечернею порою

Я пляшу пред пьяными матросами, И они, Смеясь, владеют мною.

Робкий ум мой обессилен бедами, Взор мой с каждым часом угасает...

Умереть? Но там, в полях неведомых, Там мой муж, он ждет и не прощает.

57. ПОМПЕЙ У ПИРАТОВ

От кормы, изукрашенной красным, Дорогие плывут ароматы

В трюм, где скрылись в волненьи опасном

С угрожающим видом пираты.

С затаенной злобой боязни

Говорят, то храбрясь, то бледнея, И вполголоса требуют казни,

Головы молодого Помпея.

Сколько дней они служат рабами, То покорно, то с гневом напрасным, И не смеют бродить под шатрами, На корме, изукрашенной красным.

Слышен зов. Это голос Помпея,

Окруженного стаей голубок.

Он кричит: "Эй, собаки, живее!

Где вино? Высыхает мой кубок".

И над морем седым и пустынным, Приподнявшись лениво на локте, Посыпает толченым рубином

Розоватые, длинные ногти.

И оставив мечтанья о мести,

Умолкают смущенно пираты

И несут, раболепные, вместе

И вино, и цветы, и гранаты.

58. ОСНОВАТЕЛИ

Ромул и Рем взошли на гору,

Холм перед ними был дик и нем.

Ромул сказал: “Здесь будет город”.

“Город, как солнце” — ответил Рем.

Ромул сказал: “Волей созвездий

Мы обрели наш древний почет”.

Рем отвечал: “Что было прежде, Надо забыть, глянем вперед”.

“Здесь будет цирк, — промолвил Ромул, —Здесь будет дом наш, открытый всем”.

“Но надо поставить ближе к дому

Могильные склепы” — ответил Рем.

59. МАНЛИЙ

Манлий сброшен. Слава Рима,

Власть все та же, что была,

И навеки нерушима,

Как Тарпейская скала.

Рим, как море, волновался,

Разрезали вопли тьму,

Но спокойно улыбался

Низвергаемый к нему.

Для чего ж в полдневной хмаре, Озаряемый лучом,

Возникает хмурый Марий

С окровавленным мечом?

60. ИГРЫ

Консул добр: на арене кровавой

Третий день не кончаются игры, И совсем обезумели тигры,

Дышут древнею злобой удавы.

А слоны, а медведи! Такими

Опьянелыми кровью бойцами,

Туром, бьющим повсюду рогами,

Любовались едва ли и в Риме.

И тогда лишь был отдан им пленный, Весь израненный, вождь аламанов, Заклинатель ветров и туманов

И убийца с глазами гиены.

Как хотели мы этого часа!

Ждали битвы, мы знали — он смелый.

Бейте, звери, горячее тело,

Рвите, звери, кровавое мясо!

Но, прижавшись к перилам дубовым, Вдруг завыл он, спокойный и хмурый, И согласным ответили ревом

И медведи, и волки, и туры.

Распластались покорно удавы,

И упали слоны на колени,

Ожидая его повелений,

Поднимали свой хобот кровавый.

Консул, консул и вечные боги,

Мы такого еще не видали!

Ведь голодные тигры лизали

Колдуну запыленные ноги.

61. ИМПЕРАТОРУ

Призрак какой-то неведомой силы, Ты ль, указавший законы судьбе, Ты ль, император, во мраке могилы

Хочешь, чтоб я говорил о тебе?

Горе мне! Я не трибун, не сенатор, Я только бедный бродячий певец, И для чего, для чего, император, Ты на меня возлагаешь венец?

Заперты мне все богатые двери, И мои бедные сказки-стихи

Слушают только бездомные звери

Да на высоких горах пастухи.

Старый хитон мой изодран и черен, Очи не зорки, и голос мой слаб, Но ты сказал, и я буду покорен, О император, я верный твой раб.

62. КАРАКАЛЛА

Император с профилем орлиным,

С черною, курчавой бородой,

О, каким бы стал ты властелином, Если б не был ты самим собой!

Любопытно-вдумчивая нежность,

Словно тень, на царственных устах, Но какая дикая мятежность

Затаилась в сдвинутых бровях!

Образы властительные Рима,

Юлий Цезарь, Август и Помпей, — Это тень, бледна и еле зрима,

Перед тихой тайною твоей.

Кончен ряд железных сновидений, Тихи гробы сумрачных отцов,

И ласкает быстрый Тибр ступени

Гордо розовеющих дворцов.

Жадность снов в тебе неутолима: Ты бы мог раскинуть ратный стан, Бросить пламя в храм Иерусалима, Укротить бунтующих парфян.

Но к чему победы в час вечерний, Если тени упадают ниц,

Если, словно золото на черни,

Видны ноги стройных танцовщиц?

Страстная, как юная тигрица,

Нежная, как лебедь сонных вод, В темной спальне ждет императрица, Ждет, дрожа, того, кто не придет.

Там, в твоих садах, ночное небо, Звезды разбросались, как в бреду, Там, быть может, ты увидел Феба, Трепетно бродящего в саду.

Как и ты стрелюю снов пронзенный, С любопытным взором он застыл

Там, где дремлет, с Нила привезенный, Темно-изумрудный крокодил.

Словно прихотливые камеи —

Тихие, пустынные сады,

С темных пальм в траву свисают змеи, Зреют небывалые плоды.

Беспокоен смутный сон растений, Плавают туманы, точно сны,

В них ночные бабочки, как тени, С крыльями жемчужной белизны.

Тайное свершается в природе:

Молода, светла и влюблена,

Легкой поступью к тебе нисходит, В облако закутавшись, луна.

Да, от лунных песен ночью летней

Неземная в этом мире тишь,

Но еще страшнее и запретней

Ты в ответ слова ей говоришь.

А потом в твоём зеленом храме

Медленно, как следует царю,

Ты, неверный, пышными стихами

Юную приветствуешь зарю.

63. «Мореполаватель Павзаний...»

Мореполаватель Павзаний

С берегов далеких Нила

В Рим привез и шкуры ланей;

И египетские ткани,

И большого крокодила.

Это было в дни безумных

Извращений Каракаллы.

Бог веселых и бездумных

Изукрасил цепью шумных

Толп причудливые скалы.

В золотом, невинном горе

Солнце в море уходило,

И в пурпуровом уборе

Император вышел в море,

Чтобы встретить крокодила.

Суетились у галеры

Бородатые скитальцы.

И изящные гетеры

Поднимали в честь Венеры

Точно мраморные пальцы.

И какой-то сказкой чудной,

Нарушителем гармоний,

Крокодил сверкал у судна

Чешуею изумрудной

На серебряном понтоне.

64. НЕОРОМАНТИЧЕСКАЯ СКАЗКА

Над высокою горою

Поднимались башни замка,

Окруженного рекою,

Как причудливою рамкой.

Жили в нем согласной парой

Принц, на днях еще из детской, С ним всезнающий, и старый,

И напыщенный дворецкий.

В зале Гордых Восклицаний

Много копий и арканов,

Чтоб охотиться на ланей

И рыкающих кабанов.

Вид принявши молодецкий,

Принц несется на охоту,

Но за ним бежит дворецкий

И кричит, прогнав дремоту:

“За пределами Веледа

Есть заклятые дороги,

Там я видел людоеда

На огромном носороге.

Кровожадный, ликом темный,

Он бросает злые взоры,

Носорог его огромный

Потрясает ревом горы”.

Принц не слушает и мчится,

Белый панцырь так и блещет,
Сокол, царственная птица,
На руке его трепещет.
Вдруг... жилище людоеда —
Скал угрюмые уступы,
И, трофеей его победы,
Полусъеденные трупы.
И, как сны необычайны,
Пестрокожие удавы...
Но дворецкий знает тайны,
Жжет магические травы.
Не успел алтарь остынуть,
Людоед уже встревожен,
Не пытается он вынуть
Меч испытанный из ножен.
На душе тяжелый ужас,
Непонятная тревога,
И трубит он в рог, натужась,
Вызывает носорога.
Но он скоро рог оставит:
Друг его в лесистом мраке,
Где его упорно травят
Быстроногие собаки.
Юный принц вошел нечаян
В этот дом глухих рыданий,
И испуганный хозяин
Очутился на аркане.
Людоеда посадили
Одного с его тоскою
В башню мрака, башню пыли,
За высокою стеною.
Говорят, он стал добрее,
Проходящим строит глазки
И о том, как пляшут феи,
Сочиняет детям сказки.

217. ОТКРЫТИЕ АМЕРИКИ

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Мы взошли по горному карнизу

Так высоко за гнездом орла;

Вечер сбросил золотую ризу,

И она на западе легла;

В небе загорались звезды; снизу

Наплывала голубая мгла.

Муза ты дрожишь, как в лихорадке, Взор горит и кудри в беспорядке.

Что с тобой? Разгаданы загадки, Хитрую распутали мы сеть...

Успокойся, Муза, чтобы петь,

Нужен голос ясный словно медь!

Голосом глубоким и кристальным

Славу тополям пирамидальным

Мы с тобою ныне воспоем,

Славу рекам в блеске золотом,

Розовым деревьям и миндальным

И всему, что видим мы вдвоем.

Новый мир, как девушка невинный!..

Кто ж прольет девическую кровь?

Кто визжаньем пил, как чарой винной, Одурманит лес еще пустынный,

Острым плугом взрежет эту новь

И заплатит мукой за любовь?

Знаю! Сердце девушек бесстрастно, Как они, не мучить никому:

Огонек болот отравит тьму,

Отуманит душу шум неясный,

Подкрадется ягуар опасный,

Победитель, к лоту твоему.

Крик... движенье... и потонет в бездне

Той, что ночи Севера беззвездней, Слишком много увидавший взгляд.

Здесь любовь несет с собой болезни, Здесь растенья кроют сладкий яд, И о крови боги говорят.

Но напрасно! Воли человеческой

Не сдержат ни ядам, ни богам!

В глубине пещер, по берегам

Тихих рек, по чашам и по рвам, Всюду, всюду, близко и далече, Запоют, пройдут людские речи.

Поднимайся занавес времен

И развейся сумрачная чара!

Каждый павший будет отомщен,

Силою возвратного удара,

Зов свобод здесь кинет Вашингтон, И пройдет, как молния, Пизарро.

Девушка, игравшая судьбой,

Сделается нежною женой,

Милым сотоварищем в работе...

Водопады с пеной ледяной,

Островки, забытые в болоте,

Вы для жизни духа оживете!

Друг за другом встанут города, Там забрызжет детский смех, и деды

Заведут спокойные беседы,

Вспоминая старые года...

Но безумцы, те уйдут туда,

Где еще не веял стяг победы.

Потому что Бог их — Бог измен!

Путник, Он идет над звездным севом, Он всечасно хочет перемен;

Белизна нагих Его колен,

Вздых, звучащий солнечным напевом, Снятся только ангелам и девам.

Странный Бог, не ведающий зла, Честный, как летящая стрела,

Чуждая и круга, и угла,

Стройный Бог с душою пьяной снами, Легкими и быстрыми шагами

Вдаль и вдаль идущий над мирами!

Голос твой, о Муза, точно рог, —Он сродни тебе, веселый Бог!

Эти губы алого коралла

Ты когда-то в небе целовала,

Ты уже касалась этих ног

С их отливом бледного опала.

Заповедь его нам назови,

Дай нам знак, что ты пришла оттуда!

Каждый вестник был досель Иуда.

Мы устали. Мы так жаждем чуда.

Мы так жаждем истинной любви...

— Будь как Бог: иди, лети, пльви!

Жемчуга

65. ВОЛШЕБНАЯ СКРИПКА

Валерию Брюсову

Милый мальчик, ты так весел, так светла твоя улыбка, Не проси об этом счастье, отравляющем миры, Ты не знаешь, ты не знаешь, что такое эта скрипка, Что такое темный ужас начинателя игры!

Тот, кто взял ее однажды в повелительные руки, У того исчез навеки безмятежный свет очей, Духи ада любят слушать эти царственные звуки, Бродят бешеные волки по дороге скрипачей.

Надо вечно петь и плакать этим струнам, звонким струнам, Вечно должен биться, виться обезумевший смычок, И под солнцем, и под
вьюгой; под белеющим буруном, И когда пылает запад и когда горит восток.

Ты устанешь и замедлишь, и на миг прервется пенье, И уж ты не сможешь крикнуть, шевельнуться и вздохнуть, —Тотчас бешеные волки в
кровожадном исступленьи

В горло вцепятся зубами, встанут лапами на грудь.

Ты поймешь тогда, как злобно насмеялось все, что пело, В очи глянет запоздалый, но властительный испуг.

И тоскливый смертный холод обовьет, как тканью, тело, И невеста зарыдает, и задумается друг.

Мальчик, дальше! Здесь не встретишь ни веселья, ни сокровищ!

Но я вижу — ты смеешься, эти взоры — два луча.

На, владей волшебной скрипкой, посмотри в глаза чудовищ

И погибни славной смертью, страшной смертью скрипача!

66. ПОТОМКИ КАИНА

Он не солгал нам, дух печально-строгий, Принявший имя утренней звезды, Когда сказал: “Не бойтесь вышней мзды, Вкусите плод и
будете, как боги”.

Для юношей открылись все дороги, Для старцев — все запретные труды, Для девушек — янтарные плоды

И белые, как снег, единороги.

Но почему мы клонимся без сил, Нам кажется, что Кто-то нас забыл, Нам ясен ужас древнего соблазна, Когда случайно чья-нибудь рука

Две жердочки, две травки, два древка

Соединит на миг крестообразно?

67. КАМЕНЬ

А. И. Гумилевой

Взгляни, как злобно смотрит камень, В нем щели странно глубоки,

Под мхом мерцает скрытый пламень; Не думай, то не светляки!

Давно угрюмые друиды,

Сибиллы хмурых королей,

Отмстить какие-то обиды

Его призвали из морей.

Он вышел черный, вышел страшный, И вот лежит на берегу,

А по ночам ломает башни

И мстит случайному врагу.

Летит пустынными полями,

За куст приляжет, подождет,

Сверкнет огнистыми щелями

И снова бросится вперед.

И редко кто бы мог увидеть

Его ночной и тайный путь,

Но берегись его обидеть,
Случайно как-нибудь толкнуть.
Он скроет жгучую обиду,
Глухое бешенство угроз,
Он промолчит и будет с виду
Недвижен, как простой утес.
Но где бы ты ни скрылся, спящий, Тебе его не обмануть,
Тебя отыщет он, летящий,
И дико ринется на грудь.
И ты застонешь в изумленье,
Завидя блеск его огней,
Заслыша шум его паденья
И жалкий треск твоих костей.
Горячей кровью пьяный, сытый,
Лишь утром он оставит дом
И будет страшен труп забытый,
Как пес, раздавленный быком.
И, миновав поля и нивы,
Вернется к берегу он вновь,
Чтоб смыли верные приливы
С него запекшуюся кровь.

68. ОДЕРЖИМЫЙ

Луна плывет, как круглый щит
Давно убитого героя,
А сердце ноет и стучит,
Уныло чужа роковое.
Чрез дымный луг и хмурый лес,
И угрожающее море
Бредет с копьём наперевес
Мое чудовищное горе.
Напрасно я спешу к коню,
Хватаю с трепетом поводья
И, обезумевший, гоню
Его в ночные половодья.
В болоте темном дикий бой
Для всех останется неведом,

И верх одержит надо мной

Привыкший к сумрачным победам: Мне сразу в очи хлынет мгла...

На полном, бешеном галопе

Я буду выбит из седла

И покачусь в ночные топи.,

Как будет страшен этот час!

Я буду сжат доспехом тесным,

И, как всегда, о coup de grace Я возоплю пред неизвестным.

Я угадаю шаг глухой

В неверной мгле ночного дыма,

Но, как всегда, передо мной

Пройдет неведомое мимо...

И утром встану я один,

А девы, рады играм вешним,

Шепнут: "Вот странный паладин

С душой, измученной нездешним".

69. ПОЕДИНОК

В твоём гербе — невинность лилий, В моём — багряные цветы.

И близок бой, рога завывли,

Сверкнули золотом щиты.

Я вызван был на поединок

Под звуки бубнов и литавр,

Среди смеющихся тропинок,

Как тигр в саду, — угрюмый мавр.

Ты — дева-воин песен давних,

Тобой гордятся короли,

Твое копье не знает равных

В пределах моря и земли.

Вот мы схватились и застыли

И войско с трепетом глядит,

Кто побеждает: я ли, ты ли,

Иль гибкость стали, иль гранит.

Я пал, и молнии победней

Сверкнул и в тело впился нож.

Тебе восторг — мой стон последний, Мою прерывистая дрожь.

И ты уходишь в славе ратной,

Толпа поет тебе хвалы,

Но ты вернись обратно,
Одна, в плаще весенней мглы.
И над равниной дымно-белой
Мерцая шлемом золотым,
Найдешь мой труп окоченелый
И снова склонись над ним:
“Люблю! Ты слышишь, милый, милый?”

Открой глаза, ответь мне — да.

За то, что я тебя убила,

Твоей я стану навсегда”.

Еще не умер звук рыданий,

Еще шуршит твой белый шелк,

А уж ко мне ползет в тумане

Нетерпеливо-жадный волк.

70. ПОРТРЕТ МУЖЧИНЫ

Картина в Лувре работы неизвестного

Его глаза — подземные озера,

Покинутые царские чертоги.

Отмечен знаком высшего позора, Он никогда не говорит о Боге.

Его уста — пурпуровая рана

От лезвия, пропитанного ядом;

Печальные, сомкнувшиеся рано,

Они зовут к непознанным уладам.

И руки — бледный мрамор полнолуний, В них ужасы неснятого проклятья, Они ласкали девушек-колдуний

И ведали кровавые распятыя.

Ему в веках достался странный жребий — Служить мечтой убийцы и поэта, Быть может, как родился он — на небе

Кровавая растаяла комета.

В его душе столетние обиды,

В его душе печали без названья.

На все сады Мадонны и Киприды

Не променяет он воспоминанья.

Он злобен, но не злобой святотатца, И нежен цвет его атласной кожи.

Он может улыбаться и смеяться, Но плакать... плакать больше он не может.

71. ЛЕСНОЙ ПОЖАР

Ветер гонит тучу дыма,

Словно грузного коня.
Вслед за ним неумолимо
Встало зарево огня.
Только в редкие просветы
Темно-бурых тополей
Видно розовые светы
Обезумевших полей.
Ярко вспыхивает маис,
С острым запахом смолы,
И, шипя и разгораясь,
В пламя падают стволы.
Резкий грохот, тяжкий топот,
Вой, мычанье, визг и рев,
И зловеще-тихий ропот
Закипающих ручьев.
Вон несется слон-пустынник,
Лев стремительно бежит,
Обезьяна держит финик
И пронзительно визжит.
С ведрем стиснутый бок-о-бок,
Легкий волк, душа ловитв,
Зубы белы, взор не робок —
Только время не для битв.
А за ними в дымных пущах
Льется новая волна
Опаленных и ревущих...
Как назвать их имена?
Словно там, под сводом ада,
Дьявол щелкает бичом,
Чтобы грешников громада
Вышла бешеным смерчом.
Все страшней в ночи бессонной, Все быстрее дикий бег,
И, огнями ослепленный,
Черной кровью обгаренный,
Первым гибнет человек.

72. ЦАРИЦА

Твой лоб в кудрях отлива бронзы, Как сталь, глаза твои остры,

Тебе задумчивые бонзы
В Тибете ставили костры.
Когда Тимур в унылой злобе
Народы бросил к их мете,
Тебя несли в пустынях Гоби
На боевом его щите.

И ты вступила в крепость Агры, Светла, как древняя Лилит,
Твои веселые онагры
Звенели золотом копыт.

Был вечер тих.
Земля молчала,
Едва вздыхали цветники,

Да от зеленого канала,
Взлетая, реяли жуки;

И я следил в тени колонны
Черты алмазного лица
И ждал, коленопреклоненный,
В одежде розовой жреца.

Узорный лук в дугу был согнут, И, вольность древнюю любя,
Я знал, что мускулы не дрогнут
И острие найдет тебя.

Тогда бы вспыхнуло былое:
Князей торжественный приход,
И пляски в зарослях алоэ,
И дни веселые охот.

Но рот твой, вырезанный строго, Таил такую смену мук,
Что я в тебе увидел бога
И робко выронил свой лук.

Толпа рабов ко мне метнулась,
Теснясь, волнуясь и крича,
И ты лениво улыбнулась
Стальной секире палача..

73. ТОВАРИЩ

Что-то подходит близко, верно, Холод томящий в грудь проник.
Каждою ночью в тьме безмерной
Я вижу милый, странный лик.

Старый товарищ, древний ловчий, Снова встаешь ты с ночного дна, Тигра смелее, барса ловчее,

Сильнее грузного слона.

Помню, все помню; как забуду

Рыжие кудри, крепость рук,

Меч твой, вносивший гибель всюду, Из рога турьего твой лук?

Помню и волка; с нами в мире

Вместе бродил он, вместе спал, Вечером я играл на лире,

А он тихонько подвывал.

Что же случилось? Чьею властью

Вытопан был наш дикий сад?

Раненый коршун, темной страстью

Товарищдивный был объят.

Спутано помню — кровь повсюду, Душу гнетущий мертвый страх,

Ночь, и героев павших груды,

И труп товарища в волнах.

Что же теперь, сквозь ряд столетий, Выступил ты из смертных чащ —В смуглых ладонях лук и сети,

И на плечах багряный плащ?

Сладостной верю я надежде,

Лгать не умеют сердцу сны,

Скоро пройду с тобой, как прежде, В полях неведомой страны.

74. В БИБЛИОТЕКЕ

М. Кузмину

О, пожелтевшие листы

В стенах вечерних библиотек,

Когда раздумья так чисты,

А пыль пьянее, чем наркотик!

Мне нынче труден мой урок.

Куда от странной грезы деться?

Я отыскал сейчас цветок

В процессе древнем Жиль де Реца.

Изрезан сетью бледных жил,

Сухой, но тайно благовонный...

Его, наверно, положил

Сюда какой-нибудь влюбленный.

Еще от алых женских губ

Его пылали жарко щеки,

Но взор очей уже был туп,
И мысли холодно — жестоки.
И, верно, дьявольская страсть
В душе вставала, словно пенье, Что дар любви, цветов, увясть
Был брошен в книге преступленья.
И после, там, в тени аркад,
В великолепии ночи дивной
Кого заметил тусклый взгляд,
Чей крик не слышался призывный?
Так много тайн хранит любовь,
Так мучат старые гробницы!
Мне ясно кажется, что кровь
Пятнает многие Страницы.
И терн сопутствует венцу,
И бремя жизни — злое бремя...
Но что до этого чтецу,
Неутомимому, как время!
Мои мечты... они чисты,
А ты, убийца дальний, кто ты?!
О, пожелтевшие листья,
Шагреновые переплеты!

75. В ПУТИ

Кончено время игры,
Дважды цветам не цвести.
Тень от гигантской горы
Пала на нашем пути.
Область унынья и слез —
Скалы с обеих сторон
И оголенный утес,
Где распростерся дракон.
Острый хребет его крут,
Вздых его — огненный смерч.
Люди его назовут
Сумрачным именем: Смерть.
Что ж, обратиться нам вспять,
Вспять повернуть корабли,

Чтобы опять испытать

Древнюю скудость земли?

Нет, ни за что, ни за что!

Значит, настала пора.

Лучше слепое Ничто,

Чем золотое Вчера!

Вынем же меч-кладенец,

Дар благосклонных наяд,

Чтоб обрести, наконец

Неотцветающий сад.

76. СЕМИРАМИДА

Светлой памяти И. Ф. Анненского

Для первых властителей завиден мой жребий, И боги не так горды.

Столпами из мрамора в пылающем небе

Укрепились мои сады.

Там рощи с цистернами для розовой влаги, Голубые, нежные мхи,

Рабы и танцовщицы, и мудрые маги, Короли четырех стихий.

Все манит и радует, все ясно и близко, Все таит восторг тишины,

Но каждую полночь так страшно и низко

Наклоняется лик луны.

И в сумрачном ужасе от лунного взгляда, От цепких лунных сетей,

Мне хочется броситься из этого сада

С высоты семисот локтей.

77. СТАРЫЙ КОНКВИСТАДОР

Углубясь в неведомые горы,

Заблудился старый конквистадор, В дымном небе плавали кондоры, Нависали снежные громады.

Восемь дней скитался он без пищи, Конь издох, но под большим уступом

Он нашел уютное жилище,

Чтоб не разлучаться с милым трупом.

Там он жил в тени сухих смоковниц

Песни пел о солнечной Кастилье, Вспоминал сраженья и любовниц, Видел то пищажи, то мантильи.

Как всегда, был дерзок и спокоен

И не знал ни ужаса, ни злости, Смерть пришла, и предложил ей воин

Поиграть в изломанные кости.

78. ВАРВАРЫ

Когда зарыдала страна под немилостью Божьей

И варвары в город вошли молчаливой толпою, На площади людной царица поставила ложе, Суровых врагов ожидала царица, нагою.

Трубили герольды. По ветру стремились знамена, Как листья осенние, прелые, бурые листья.

Роскошные груди восточных шелков и виссона

С краев украшали литые из золота кисти.

Царица была — как пантера суровых безлюдий, С глазами — провалами темного, дикого счастья.

Под сеткой жемчужной вздымались дрожащие груди, На смуглых руках и ногах трепетали запястья.

И зов ее мчался, как звоны серебряной лютни: “Спешите, герои, несущие луки и пращи!

Нигде, никогда не найти вам жены бесприютней, Чьи жалкие стоны вам будут желанней и слаще!

Спешите, герои, окованы медью и сталью, Пусть в бедное тело вопьются свирепые гвозди, И бешенством ваши нальются сердца и печалью И будут красней виноградных пурпуровых гроздий.

Давно я ждала вас, могучие, грубые люди, Мечтала, любясь на зарево ваших становищ

Идите ж, терзайте для муки расцветшие груди, Герольд протрубит — не щадите заветных сокровищ

Серебряный рог, изукрашенный кистью слоновьей, На бронзовом блюде рабы протянули герольду, Но варвары севера хмурили гордые брови, Они вспоминали скитанья по снегу и по льду.

Они вспоминали холодное небо и дюны, В зеленых трущобах веселые щелбеты птички, И царственно-синие женские взоры... и струны, Которыми скалды гремели о женском величьи.

Кипела, сверкала народом широкая площадь, И южное небо раскрыло свой огненный веер, Но хмурый начальник сдержал опененную лошадь, С надменной усмешкой войска повернул он на север.

79. ВОИН АГАМЕМНОНА

Смутную душу мою тяготит

Странный и страшный вопрос:

Можно ли жить, если умер Атрид, Умер на ложе из роз?

Все, что нам снилось всегда и везде, Наше желанье и страх,

Все отражалось, как в чистой воде, В этих спокойных очах.

В мышцах жила несказанная мощь, Нега — в изгибе колен,

Был он прекрасен, как облако, — вождь

Золотоносных Микен.

Что я? Обломок старинных обид

Дротик, упавший в траву.

Умер водитель народов, Атрид, — Я же, ничтожный, живу.

Манит прозрачность глубоких озер, Смотрит с укором заря.

Тягостен, тягостен этот позор — Жить, потерявши царя!

80. АНДРОГИН

Тебе никогда не устанем молиться, Немыслимо-дивное Бог-Существо.

Мы знаем, Ты здесь, Ты готов проявиться, Мы верим, мы верим в Твое торжество.

Подруга, я вижу, ты жертвуешь много, Ты в жертву приносишь себя самое, Ты тело даешь для Великого Бога, Изысканно-нежное тело свое.

Спеши же, подруга! Как духи, нагими, Должны мы исполнить старинный обет, Шепнуть, задыхаясь, забытое Имя

И, вздрогнув, услышать желанный ответ.

Я вижу, ты медлишь, смущаешься...

Что же?! Пусть двое погибнут, чтоб ожил один, Чтоб странный и светлым с безумного ложа, Как феникс из пламени, встал Андрогин.

И воздух — как роза, и мы — как виденья, То близок к отчизне своей пилигрим...

И верь! Не коснется до нас наслажденье

Бичом оскорбительно-жгучим своим.

81. ОРЕЛ

Орел летел все выше и вперед

К Престолу Сил сквозь звездные преддверья, И был прекрасен царственный полет, И лоснились коричневые перья.

Где жил он прежде? Может быть в плену, В оковах королевского зверинца, Кричал, встречая девушку-весну, Влюбленную в задумчивого принца.

Иль, может быть, в берлоге колдуна, Когда глядел он в узкое оконце, Его зачаровала вышина

И властно превратила сердце в солнце.

Не все ль равно?! Играя и маня, Лазурное вскрывалось совершенство, И он летел три ночи и три дня

И умер, задохнувшись от блаженства.

Он умер, да! Но он не мог упасть, Войдя в круги планетного движенья.

Бездонная внизу зияла пасть,

Но были слабы силы притяженья.

Лучами был пронизан небосвод,

Божественно-холодными лучами,

Не зная тленья, он летел вперед, Смотрел на звезды мертвыми очами.

Не раз в бездонность рушились миры, Не раз труба архангела трубила, Но не была добычей для игры

Его великолепная могила.

82. ПОКОРНОСТЬ

Только усталый достоин молиться богам, Только влюбленный — ступать по весенним лугам!

На небе звезды, и тихая грусть на земле, Тихое "пусть" прозвучало и тает во мгле.

Это — покорность! Приди и склонись надо мной, Бледная дева под траурно-черной фатой!

Край мой печален, затерян в болотной глуши, Нету прекраснее края для скорбной души.

Вон порыжевшие кочки и мокрый овраг, Я для него отрекаюсь от призрачных благ.

Что я: влюблен или просто смертельно устал?

Так хорошо, что мой взор, наконец, отблестал!

Тихо смотрю, как степная колышется зыбь, Тихо внимаю, как плачет болотная выпь.

83. РЫЦАРЬ С ЦЕПЬЮ

Слышу гул и завыванье призывающих рогов, И я снова конквистадор, покоритель городов.

Словно раб, я был закован, жил, униженный, в плену, И забыл, неблагодарный, про могучую весну; А она пришла, ступая над рубинами цветов, И, ревнивая, разбила сталь мучительных оков.

Я опять иду по скалам, пью студёные струи; Под дыханьем океана раны зажили мои.

Но, вступая, обновленный, в неизвестную страну, Ничего я не забуду, ничего не прокляну.

И, чтоб помнить каждый подвиг, — и возвышенность, и степь, — Я к серебряному шлему прикую стальную цепь.

84. ХРИСТОС

Он идет путем жемчужным

По садам береговым,

Люди заняты ненужным,

Люди заняты земным.

“Здравствуй, пастырь! Рыбарь, здравствуй!

Вас зову я навсегда,

Чтоб блюсти иную паству

И иные невода.

“Лучше ль рыбы или овцы

Человеческой души?

Вы, небесные торговцы,

Не считайте барыши!

Ведь не домик в Галилее

Вам награда за труды, —

Светлый рай, что розовее

Самой розовой звезды.

Солнце близится к притину,

Слышно веянье конца, Но отрадно будет Сыну

В Доме Нежного Отца”.

Не томит, не мучит выбор,

Что пленительней чудес?!

И идут пастух и рыбарь

За искателем небес.

85. МАРКИЗ де КАРАБАС

С. Ауслендеру

Весенний лес певуч и светел,

Черны и радостны поля.

Сегодня я впервые встретил

За старой ригой журавля.
Смотрю на тающую глыбу,
На отблеск розовых зарниц,
А умный кот мой ловит рыбу
И в сеть заманивает птиц.
Он знает след хорька и зайца,
Лазейки сквозь камыш к реке,
И так вкусны сорочьи яйца,
Им испеченные в песке.
Когда же роща тьму призовет,
Туман уронит капли рос
И задремлю я, он мурлычет,
Уткнув мне в руку влажный нос: "Мне сладко вам служить. За вас
Я смело миру брошу вызов.
Ведь вы маркиз де Карабас,
Потомок самых древних рас,
Средь всех отличенный маркизов.
И дичь в лесу, и сосны гор,
Богатых золотом и медью,
И нив желтеющих простор,
И рыба в глубине озер
Принадлежат вам по наследью.
Зачем же спите вы в норе,
Всегда причудливый ребенок,
Зачем не жить вам при дворе,
Не есть и пить на серебре
Средь попугаев и болонок?!"
Мой добрый кот, мой кот ученый
Печальный подавляет вздох
И лапкой белой и точеной,
Сердясь, вычесывает блох.
На утро снова я под ивой
(В ее корнях такой уют)
Рукой рассеянно-ленивой
Бросаю камни в дымный пруд.
Как тяжелы они, как метки,
Как по воде они скользят!
... И в каждой травке, в каждой ветке

Я мой встречаю маркизат.

86. ПУТЕШЕСТВИЕ В КИТАЙ

С. Судейкину

Воздух над нами чист и звонок, В житницу вол отвез зерно,

Отданный повару пал ягненок,

В медных ковшах играет вино.

Что же тоска нам сердце гложет, Что мы пытаем бытие?

Лучшая девушка дать не может

Больше того, что есть у нее.

Все мы знавали злое горе,

Бросили все заветный рай,

Все мы, товарищи, верим в море, Можем отплыть в далекий Китай.

Только не думать! Будет счастье

В самом крикливом кабаду,

Душу исполнит нам жгучей страстью

Смуглый ребенок в чайном саду.

В розовой пене встретим даль мы, Нас испугает медный лев.

Что нам пригрезится в ночь у пальмы, Как опьянят нас соки дерев?

Праздником будут те недели,

Что проведем на корабле ...

Ты ли не опытен в пьяном деле, Вечно румяный, мэтр Раблэ?

Грузный, как бочки вин токайских, Мудрость свою прикрой плащом,

Ты будешь пугалом дев китайских, Бедрa обвив зеленым плющом.

Будь капитаном. Просим! Просим!

Вместо весла вручаем жердь...

Только в Китае мы якорь бросим, Хоть на пути и встретим смерть!

87. ЗАВЕЩАНИЕ

Очарован соблазнами жизни,

Не хочу я растаять во мгле,

Не хочу я вернуться к отчизне, К усыпляющей, мертвой земле.

Пусть высоко на розовой влаге

Вечереющих горных озер

Молодые и строгие маги

Кипарисовый сложат костер

И покорно, склоняясь, положат
На него мой закутанный труп,
Чтоб смотрел я с последнего ложа
С затаенной усмешкою губ.
И когда заревое чуть тронет
Темным золотом мраморный мол,
Пусть задумчивый факел уронит
Благовонье пылающих смол.
И свирель тишину опечалит,
И серебряный гонг заревет,
В час, когда задрожит и отчалит
Огневеющий траурный плот.
Словно демон в лесу волхвований, Снова вспыхнет мое бытие,
От мучительных красных лобзаний
Зашевелится тело мое.
И пока к пустоте или раю
Необорный не бросит меня,
Я еще один раз отпылаю
Упоительной жизнью огня.

88. ОЗЕРА

Я счастье разбил с торжеством святотатца, И нет ни тоски, ни укора,
Но каждую ночь так ясно мне снятся
Большие, ночные озера.
На траурно-черных волнах неньюфары, Как думы мои, молчаливы,
И будят забытые, грустные чары
Серебряно-белые ивы.
Луна освещает изгибы дороги,
И видит пустынное поле,
Как я задыхаюсь в тяжелой тревоге
И пальцы ломаю до боли.
Я вспомню, и что-то должно появиться, Как в сумрачной драме развязка: Печальная девушка, белая птица
Иль странная, нежная сказка.
И новое солнце заблещет в тумане, И будут стрекозами тени,
И гордые лебеди древних сказаний
На белые выйдут ступени.
Но мне не припомнить. Я, слабый, бескрылый
Смотрю на ночные озера

И слышу, как волны лепечут без силы

Слова рокового укора.

Проснусь, и как прежде уверены губы, Далеко и чуждо ночное,

И так по-земному прекрасны и грубы

Минуты труда и покоя.

89. СВИДАНИЕ

Сегодня ты придешь ко мне,

Сегодня я пойму,

Зачем так странно при луне

Остаться одному.

Ты остановишься, бледна,

И тихо сбросишь плащ

Не так ли полная луна

Встает из темных чащ?

И, околдованный луной,

Окованный тобой,

Я буду счастлив тишиной

И мраком, и судьбой.

Так зверь безрадостных лесов,

Почуявший весну,

Внимает шороху часов

И смотрит на луну,

И тихо крадется в овраг

Будить ночные сны,

И согласует легкий шаг

С движением луны.

Как он, и я хочу молчать,

Тоскуя и любя,

С тревогой древнею встречать

Мою луну, тебя.

Проходит миг, ты не со мной,

И снова день и мрак,

Но, обожженная луной,

Душа хранит твой знак.

Соединяющий тела

Их разлучает вновь,

Но, как луна, всегда светла

Полночная любовь.

90. «Ты помнишь дворец великанов...»

Ты помнишь дворец великанов,

В бассейне серебряных рыб,

Аллеи высоких платанов

И башни из каменных глыб?

Как конь золотистый у башен,

Играя, вставая на дыбы,

И белый чепрак был украшен

Узорами тонкой резьбы?

Ты помнишь, у облачных впадин

С тобою нашли мы карниз,

Где звезды, как горсть виноградин, Стремительно падали вниз?

Теперь, о скажи, не бледнея,

Теперь мы с тобою не те,

Быть может, сильнее и смелее,

Но только чужие мечте.

У нас, как точеные, руки,

Красивы у нас имена,

Но мертвой, томительной скуке

Душа навсегда отдана.

И мы до сих пор не забыли,

Хоть нам и дано забывать,

То время, когда мы любили,

Когда мы умели летать.

91. СТАРИНА

Вот парк с пустынными опушками

Где сонных трав печальна зыбь, Где поздно вечером с лягушками

Перекликаться любит выпь.

Вот дом, старинный и некрашенный, В нем словно плавает туман;

В нем залы гулкие украшены

Изображением пейзажа.

Мне суждено одну тоску нести,

Где дед раскладывал пасьянс

И где влюблялись тетки в юности

И танцевали контреданс.

И сердце мучится бездомное,

Что им владеет лишь одна

Такая скучная и темная,

Незолотая старина.

... Теперь бы кручи необорные, Снега серебряных вершин,

Да тучи сизые и черные

Над гулким грохотом лавин!

92. «Он поклялся в строгом храме...»

Он поклялся в строгом храме

Перед статуей Мадонны,

Что он будет верен даме,

Той, чьи взоры непреклонны.

И забыл о тайном браке,

Всюду ласки расточая,

Ночью был зарезан в драке

И пришел к преддверьям рая.

“Ты ль в Моем не клялся храме, —Прозвучала речь Мадонны, —

Что ты будешь верен даме,

Той, чьи взоры непреклонны?

Отойди, не эти жатвы

Собирает Царь Небесный.

Кто нарушил слово клятвы, Гибнет, Богу неизвестный”.

Но, печальный и упрямый,

Он припал к ногам Мадонны:

“Я нигде не встретил дамы,

Той, чьи взоры непреклонны”.

93. ВОРОТА РАЯ

Не семью печатями алмазными

В Божий рай замкнулся вечный вход, Он не манит блеском и соблазнами, И его не ведает народ.

Это дверь в стене, давно заброшенной, Камни, мох, и больше ничего,

Возле — нищий, словно гость непрощенный, И ключи у пояса его.

Мимо едут рыцари и латники,

Трубный вой, бряцанье серебра, И никто не взглянет на привратника, Светлого апостола Петра.

Все мечтают: “Там, у Гроба Божия, Двери рая вскрыются для нас,

На горе Фаворе, у подножия,

Прозвонит обетованный час”.

Так проходит медленное чудище, Завывая, трубит звонкий рог,

И апостол Петр в дырявом рубище, Словно нищий, бледен и убог.

94. ЗАВОДИ

Н. В. Анненской

Солнце скрылось на западе

За полями обетованными,

И стали тихие заводы

Синими и благоуханными.

Сонно дрогнул камыш,

Пролетела летучая мышь,

Рыба плеснулаеь в омуте...

... И направились к дому те,

У кого есть дом

С голубыми ставнями,

С креслами давними

И круглым чайным столом.

Я один остался на воздухе

Смотреть на сонную заводь,

Где днем так отрадно плавать,

А вечером плакать,

Потому что я люблю Тебя, Господи.

95. КЕНГУРУ

Утро девушки

Сон меня сегодня не разнежил,

Я проснулась рано поутру

И пошла, вдыхая воздух свежий, Посмотреть ручного кенгуру.

Он срывал пучки смолистых игол, Глупый, для чего-то их жевал,

И смешно, смешно ко мне запрыгал, И еще смешнее закричал.

У него так неуклюжи ласки,

Но и я люблю ласкать его,

Чтоб его коричневые глазки

Мигом осветило торжество.

А потом, охвачена истомой,

Я мечтать уселась на скамью;

Что ж нейдет он, дальний, незнакомый, Тот один, которого люблю!

Мысли так отчетливо ложатся,

Словно тени листьев поутру.

Я хочу к кому-нибудь ласкаться, Как ко мне ласкался кенгуру.

96. МАЭСТРО

Н.Л. Сверчкову

В красном фраке с галунами,

Надушенный, встал маэстро,

Он рассыпал перед нами

Звуки легкие оркестра.

Звуки мчались и кричали,

Как виденья, как гиганты,

И металась в гулкой зале,

И роняли бриллианты.

К золотым сбегали рыбкам,

Что плескались там, в бассейне, И по девичьим улыбкам

Плыли тише и лилейней.

Созидали башни храмам

Голубеющего рая

И ласкали плечи дамам,

Улыбаясь и играя.

А потом с веселой дрожью,

Закружившись вокруг оркестра,

Тихо падали к подножью

Надушенного маэстро.

97. ДОН-ЖУАН

Моя мечта надменна и проста:

Схватить весло, поставить ногу в стремя

И обмануть медлительное время, Всегда лобзая новые уста;

А в старости принять завет Христа, Потупить взор, посыпать пеплом темя

И взять на грудь спасающее бремя

Тяжелого железного креста!

И лишь когда среди оргии победной

Я вдруг опомнюсь, как лунатик бледный, Испуганный в тиши своих путей, Я вспоминаю, что, ненужный атом, Я не имел от женщины детей
И никогда не звал мужчину братом..

98. ПОПУГАЙ

Я — попугай с Антильских островов, Но я живу в квадратной келье мага.

Вокруг — реторты, глобусы, бумага, И кашель старика, и бой часов.

Пусть в час заклятий, в вихре голосов

И в блеске глаз, мерцающих как шпага, Ерошат крылья ужас и отвага

И я сражаюсь с призраками сов...

Пусть! Но едва под этот свод унылый

Войдет гадать о картах иль о милой

Распутник в раззолоченном плаще, —Мне грезится корабль в тиши залива, Я вспоминаю солнце... и вотще

Стремлюсь забыть, что тайна некрасива.

99. ЧИТАТЕЛЬ КНИГ

Читатель книг, и я хотел найти

Мой тихий рай в покорности сознания, Я их любил, те странные пути,

Где нет надежд и нет воспоминанья.

Неутомимо плыть ручьями строк, В проливы глав вступать нетерпеливо

И наблюдать, как пенится поток, И слушать гул идущего прилива!

Но вечером... О, как она страшна, Ночная тень за шкафом, за киотом, И маятник, недвижимый как луна, Что светит над мерцающим болотом!

100. «У меня не живут цветы...»

У меня не живут цветы,

Красотой их на миг я обманут,

Постоят день, другой, и завянут, У меня не живут цветы.

Да и птицы здесь не живут,

Только хохлятся скорбно и глухо, А на утро — комочек из пуха...

Даже птицы здесь не живут.

Только книги в восемь рядов,

Молчаливые, грузные томы,

Сторожат вековые истомы,

Словно зубы в восемь рядов.

Мне продавший их букинист,

Помню, был и горбатым, и нищим...

... Торговал за проклятым кладбищем

Мне продавший их букинист.

101. ЭТО БЫЛО НЕ РАЗ

Это было не раз, это будет не раз

В нашей битве глухой и упорной: Как всегда, от меня ты теперь отреклась, Завтра, знаю, вернешься покорной.

Но зато не дивись, мой враждующий друг, Враг мой, схваченный темной любовью, Если стоны любви будут стонами мук, Поцелуи — окрашены кровью.

102. МОЛИТВА

Солнце свирепое, солнце грозящее, Бога, в пространствах идущего, Лицо сумасшедшее,

Солнце, сожги настоящее

Во имя грядущего,

Но помилуй прошедшее!

103. «Рощи пальм и заросли алоэ...»

Рощи пальм и заросли алоэ,

Серебристо-матовый ручей,

Небо, бесконечно-голубое,

Небо, золотое от лучей.

И чего еще ты хочешь, сердце?

Разве счастье — сказка или ложь?

Для чего ж соблазнам иноверца

Ты себя покорно отдаешь?

Разве снова хочешь ты отравы,

Хочешь биться в огненном бреду, Разве ты не властно жить, как травы

В этом упоительном саду?

104. ВЕЧЕР

Еще один ненужный день,

Великолепный и ненужный!

Приди, ласкающая тень,

И душу смутную одень

Своею ризою жемчужной.

И ты пришла... ты гонишь прочь

Зловещих птиц — мои печали.

О, повелительница ночь,

Никто не в силах превозмочь

Победный шаг твоих сандалий!

От звезд слетает тишина,

Блестит луна — твое запястье,

И мне во сне опять дана

Обетованная страна —

Давно оплаканное счастье.

105 — 108. БЕАТРИЧЕ

I

Музы, рыдать перестаньте,

Грусть вашу в песнях излейте,

Спойте мне песню о Данте

Или сыграйте на флейте.

— Дальше, докучные фавны,

Музыки нет в вашем кличе!

Знаете ль вы, что недавно

Бросила рай Беатриче,

Странная белая роза

В тихой вечерней прохладе...

Что это? Снова угроза

Или мольба о пощаде?

Жил беспокойный художник.

В мире лукавых обличий —

Грешник, развратник, безбожник, Но он любил Беатриче.

Тайные думы поэта

В сердце его прихотливом

Стали потоками света,

Стали шумящим приливом.

Музы, в сонете-брильянте

Странную тайну отметьте,

Спойте мне песню о Данте

И Габриеле Россетти.

II

В моих садах — цветы, в твоих — печаль.

Приди ко мне, прекрасною печалью

Заворожи, как дымчатой вуалью, Моих садов мучительную даль.

Ты — лепесток иранских белых роз, Войди сюда, в сады моих томлений, Чтоб не было порывистых движений, Чтоб музыка была пластичных поз, Чтоб пронеслось с уступа на уступ

Задумчивое имя Беатриче

И чтоб не хор мэнад, а хор девичий

Пел красоту твоих печальных губ.

III

Пощади, не довольно ли жалящей боли, Темной пытки отчаянья, пытки стыда!

Я оставил соблазн роковых своеволий, Усмиренный, покорный, я твой навсегда.

Слишком долго мы были затеряны в безднах, Волны-звери, подняв свой мерцающий горб, Нас крутили и били в объятьях железных
И бросали на скалы, где пряталась скорбь.

Но теперь, словно белые кони от битвы, Улетают клочки грозовых облаков.

Если хочешь, мы выйдем для общей молитвы

На хрустящий песок золотых островов.

IV

Я не буду тебя проклинать,

Я печален печалью разлуки,

Но хочу и теперь целовать

Я твои уводящие руки.

Все свершилось, о чем я мечтал

Еще мальчиком странно-влюбленным, Я увидел блестящий кинжал

В этих милых руках обнаженным.

Ты подаришь мне смертную дрожь, А не бледную дрожь сладострастья, И меня навсегда уведешь

К островам совершенного счастья.

109 — 111. ВОЗВРАЩЕНИЕ ОДИССЕЯ

I. У берега

Сердце — улей, полный сотами,

Золотыми, несравненными!

Я борюсь с водоворотами

И клокоцущими пенами.

Я трирему с грудью острою

В буре бешеной измучаю,

Но домчусь к родному острову

С грозовою сизой тучею.

Я войду в дома просторные,

Сердце встречами обрадую

И забуду годы черные,

Проведенные с Палладою.

Так! Но кто, подобный коршуну, Над моей душою носится,

Словно манит к року горшему,

С новой кручи в бездну броситься?

В корабле раскрылись трещины,

Море взрыто ураганами,

Берега, что мне обещаны,

Исчезают за туманами.

И шепчу я, робко слушая

Вой над водною пустынею:

“Нет, союза не нарушу я

С необорною богинею”.

II. Избиение женихов

Только над городом месяц двурогий

Остро прорезал вечернюю мглу,

Встал Одиссей на высоком пороге, В грудь Антиноя он бросил стрелу.

Чаша упала из рук Антиноя,

Очи окутал кровавый туман,

Легкая дрожь... и не стало героя, Лучшего юноши греческих стран.

Схвачены ужасом, встали другие, Робко хватаясь за щит и за меч.

Тщетно! Уверены стрелы стальные, Злобно-насмешлива царская речь: “Что же, князья знаменитой Итаки, Что не спешите вы встретить царя, Жертвенной кровью священные знаки

Запечатлеть у его алтаря?

Вы истребляли под грохот тимпанов

Все, что мне было богами дано, Тучных быков, круторогих баранов, С кипрских холмов золотое вино.

Льстивые речи шептать Пенелопе, Ночью ласкать похотливых рабынь —Слаще, чем биться под музыку копий, Плавать над ужасом водных пустынь!

Что обо мне говорить вы могли бы?

— Он никогда не вернется домой, Труп его съели безглазые рыбы

В самой бездонной пучине морской. —Как? Вы хотите платить за обиды?

Ваши дворцы предлагаете мне?

Я бы не принял и всей Атлантиды, Всех городов, погребенных на дне!

Звонко поют окрыленные стрелы, Мерно блестит угрожающий меч,

Все вы, князья, и трусливый и смелый, Белою грудой готовитесь лечь.

Вот Евримах, низкорослый и тучный, Бледен... бледнее он мраморных стен, В ужасе бьется, как овод докучный, Юною девой захваченный в плен.

Вот Антином... разъяренные взгляды...

Сам он громаден и грузен, как слон, Был бы он первым героем Эллады, Если бы с нами отплыл в Илион.

Падают, падают тигры и лани

И никогда не поднимутся вновь.

Что это? Брошены красные ткани, Или, дымясь, растекается кровь?

Ну, собирайся со мною в дорогу, Юноша светлый, мой сын Телемах!

Надо служить беспощадному богу, Богу Тревоги на черных путях.

Снова полюбим влекущую даль мы

И золотой от луны горизонт,
Снова увидим священные пальмы
И опененный, клокочущий Понт.
Пусть незапятнано ложе царицы, —Грешные к ней прикасались мечты.
Чайки белей и невинней зарницы
Темной и страшной ее красоты”.

III. Одиссей у Лаэрта

Еще один старинный долг,
Мой рок, еще один священный!
Я не убийца, я не волк,
Я чести сторож неизменный.
Лица морщинистого черт
В уме не стерли вихри жизни.
Тебя приветствую, Лаэрт,
В твоей задумчивой отчизне.
Смотрю: украсили сады
Холмов утесистые скаты.
Какие спелые плоды,
Как сладок запах свежей мяты!
Я слезы кротости пролью,
Я сердце к счастью приневолю,
Я земно кланяюсь ручью,
И бедной хижине, и полю.
И сладко мне, и больно мне
Сидеть с тобой на козьей шкуре, Я верю — боги в тишине,
А не в смятеньи и не в буре.
Но что мне розовых харит
Неисчислимые услады?!
Над морем встал алмазный щит
Богини воинов, Паллады.
Старик, спеша отсюда прочь,
Последний раз тебя целую
И снова ринусь грудью в ночь
Увидеть бездну грозовую.
Но в час, как Зевсовой рукой
Мой черный жребий будет вынут, Когда предсмертною тоской
Я буду навзничь опрокинут,
Припомню я не день войны,

Не праздник в пламени и дыме,
Не ласки знойные жены,
Увы, делимые с другими, —
Тебя, твой миртовый венец,
Глаза, безоблачнее неба,
И с нежным именем “отец”
Сойду в обители Эреба.

112 — 115. КАПИТАНЫ

I
На полярных морях и на южных,
По изгибам зеленых зыбей,
Меж базальтовых скал и жемчужных
Шелестят паруса кораблей.
Быстрокрылых ведут капитаны,
Открыватели новых земель,
Для кого не страшны ураганы,
Кто изведаль мальстремы и мель, Чья не пылью затерянных хартий, —Солью моря пропитана грудь,
Кто иглой на разорванной карте
Отмечает свой дерзостный путь
И, взойдя на трепещущий мостик, Вспоминает покинутый порт,
Отряхая ударами трости
Ключья пены с высоких ботфорт, Или, бунт на борту обнаружив,
Из-за пояса рвет пистолет,
Так что сыпется золото с кружев, С розоватых брабантских манжет.
Пусть безумствует море и хлещет, Гребни волн поднялись в небеса, Ни один пред грозой не трепещет, Ни один не свернет паруса.
Разве трусам даны эти руки,
Этот острый, уверенный взгляд
Что умеет на вражьих фелуки
Неожиданно бросить фрегат,
Меткой пулей, острогой железной
Настигать исполинских китов
И приметить в ночи многозвездной
Охранительный свет маяков?

II

Вы все, паладины Зеленого Храма, Над пасмурным морем следившие румб, Гонзальво и Кук, Лаперуз и де-Гама, Мечтатель и царь, генуэзец Колумб!

Ганнон Карфагенянин, князь Сенегамбий, Синдбад-Мореход и могучий Улисс, О ваших победах гремят в дифирамбе

Седые валы, набегая на мыс!

А вы, королевские псы, флибустьеры, Хранившие золото в темном порту, Скитальцы арабы, искатели веры

И первые люди на первом плоту!

И все, кто дерзает, кто хочет, кто ищет, Кому опостытели страны отцов,

Кто дерзко хохочет, насмешливо свищет, Внимая заветам седых мудрецов!

Как странно, как сладко входить в ваши грезы, Заветные ваши шептать имена,

И вдруг догадаться, какие наркозы

Когда-то рождала для вас глубина!

И кажется — в мире, как прежде, есть страны, Куда не ступала людская нога,

Где в солнечных рощах живут великаны

И светят в прозрачной воде жемчуга.

С деревьев стекают душистые смолы, Узорные листья лепечут; “Скорей, Здесь реют червонного золота пчелы, Здесь розы краснее, чем пурпур царей!”

И карлики с птицами спорят за гнезда, И нежен у девушек профиль лица...

Как будто не все пересчитаны звезды, Как будто наш мир не открыт до конца!

III

Только глянет сквозь утесы

Королевский старый форт,

Как веселые матросы

Поспешат в знакомый порт.

Там, хватив в таверне сидру,

Речь ведет болтливый дед,

Что сразить морскую гидру

Может черный арбалет.

Темнокожие мулатки

И гадают, и поют,

И несетя запах сладкий

От готовящихся блюд.

А в заплеванных тавернах

От заката до утра

Мечут ряд колод неверных

Завитые шулера.

Хорошо по докам порта

И слоняться, и лежать,

И с солдатами из форта

Ночью драки затевать.

Иль у знатных иностранок

Дерзко выклянчить два су,

Продавать им обезьянок

С медным обручем в носу.

А потом бледнеть от злости

Амулет зажать в полу,

Вы проигрывая в кости

На затоптанном полу.

Но смолкает зов дурмана,

Пьяных слов бессвязный лет,

Только рупор капитана

Их к отплытью призовет.

IV

Но в мире есть иные области,

Луной мучительной томимы.

Для высшей силы, высшей доблести

Они навек недостижимы.

Там волны с блесками и всплесками

Непрекращаемого танца,

И там летит скачками резкими

Корабль Летучего Голландца.

Ни риф, ни мель ему не встретятся, Но, знак печали и несчастий,

Огни святого Эльма светятся,

Усеяв борт его и снасти.

Сам капитан, скользя над бездною, За шляпу держится рукою,

Окровавленной, но железною,

В штурвал вцепляется — другою.

Как смерть, бледны его товарищи, У всех одна и та же дума.

Так смотрят трупы на пожарище, Невыразимо и угрюмо.

И если в час прозрачный, утренний

Пловцы в морях его встречали,

Их вечно мучил голос внутренний

Слепым предвестием печали.

Ватаге буйной и воинственной

Так много сложено историй,

Но всех страшней и всех таинственней

Для смелых пенителей моря —

О том, что где-то есть окраина —Туда, за тропик Козерога! —

Где капитана с ликом Каина

Легла ужасная дорога.

116. СОН АДАМА

От плясок и песен усталый Адам.

Заснул, неразумный, у Древа Познания.

Над ним ослепительных звезд трепетанья, Лиловые тени скользят по лугам, И дух его сонный летит над лугами, Внезапно настигнут зловещими снами.

Он видит пылающий ангельский меч, Что жалит нещадно его и подругу

И гонит из рая в суровую вьюгу, Где нечем прикрыть им ни бедер, ни плеч...

Как звери, должны они строить жилище, Пращой и дубиной искать себе пищи.

Обитель труда и болезней... Но здесь

Впервые постиг он с подругой единство.

Подруге — блаженство и боль материнства, И заступ — ему, чтобы вскапывать весь.

Служеньем Иному прекрасны и грубы, Нахмурены брови и стиснуты губы.

Вот новые люди... Очерчен их рот, Их взоры не блещут, и смех их случаен.

За вепрями сильный охотится Каин, И Авель собирает маслины и мед, Но воле не служат они патриаршей: Пал младший, и в ужасе кроется старший.

И многое видит смущенный Адам: Он тонет душою в распутстве и неге, Он ищет спасенья в надежном ковчеге

И строится снова, суров и упрям, Медлительный пахарь, и воин, и всадник...

Но Бог охраняет его виноградник.

На бурный поток наложил он узду, Бессонною мыслью постиг равновесье, Как ястреб врезается он в поднебесье, У косной земли отнимает руду.

Покорны и тихи, хранят ему книги

Напевы поэтов и тайны религий.

И в ночь волхвований на пышные мхи

К нему для объятий нисходят сифиды, К услугам его, отомстить за обиды —И звездные духи, и духи стихий, И к солнечным скалам из грозной пучины

Влекут его челн голубые дельфины.

Он любит забавы опасной игры —Искать в океанах безвестные страны, Ступать безрассудно на волчьи поляны

И видеть равнину с высокой горы, Где с узких тропинок срываются козы

И душные, красные клонятся розы.

Он любит и скрежет стального резца, Дробящего глыбистый мрамор для статуй, И девственный холод зари розовой, И нежный овал молодого лица, —Когда на холсте под ударами кисти

Ложатся они и светлей, и лучистей.

Устанет и к небу возводит свой взор, Слепой и кощунственный взор человека: Там, Богом раскинут от века до века, Мерцает над ним многозвездный шатер.

Святыми ночами, спокойный и строгий, Он клонит колена и грезит о Боге.

Он новые мысли, как светлых гостей, Всегда ожидает из розовой дали, А с ними, как новые звезды, печали

Еще неизведанных дум и страстей, Провалы в мечтаньях и ужас в искусстве, Чтоб сердце болело от тяжких предчувствий.

И кроткая Ева, игрушка богов,

Когда-то ребенок, когда-то зарница, Теперь для него молодая тигрица, В зловещем мерцании ее жемчугов, Предвестница бури, и крови, и страсти, И радостей злобных, и хмурых несчастий.

Так золото манит и радует взгляд, Но в золоте темные силы таятся, Они управляют рукой святотатца

И в братские кубки вливают свой яд, Не в силах насытить, смеются и мучат, И стоном и крикам неистовым учат.

Он борется с нею. Коварный, как змей, Ее он опутал сетями соблазна.

Вот Ева — блудница, лепечет бессвязно, Вот Ева — святая, с печалью очей, То лунная дева, то дева земная, Но вечно и всюду чужая, чужая.

И он, наконец, беспредельно устал, Устал и смеяться и плакать без цели; Как лебеди, стаи веков пролетели, Играли и пели, он их не слышал; Спокойный и строгий, на мраморных скалах, Он молится Смерти, богине усталых: “Узнай, Благодатная, волю мою: На степи земные, на море земное, На скорбное сердце мое заревое

Пролей смертоносную влагу свою.

Довольно бороться с безумьем и страхом.

Рожденный из праха, да буду я прахом!”

И, медленно рея багровым хвостом, Помчалась к земле голубая комета...

И страшно Адаму, и больно от света, И рвет ему мозг нескончаемый гром.

Вот огненный смерч перед ним закрутился, Он дрогнул и крикнул... и вдруг пробудили

Направо — сверкает и пенится Тигр, Налево — зеленые воды Евфрата, Долина серебряным блеском объята, Тенистые отмели манят для игр, И Ева кричит из весеннего сада: “Ты спал и проснулся... Я рада, я рада!”